

САЛЕМ СОЖЖЕН.
СЛЕДУЮЩИМ БУДЕТ
САНКТУАРИЙ

У КАЖДОГО ГОРОДКА
ЕСТЬ СЕКРЕТЫ.
САНКТУАРИЙ НА НИХ ВЫСТРОЕН.

В.В. ДЖЕЙМС

В. В. Джеймс
Санктуарий
Серия «Mainstream. Триллер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64150866
В.В. Джеймс Санктуарий:
ISBN 978-5-17-114771-6

Аннотация

Санктуарий – идеальный город, чтобы хранить тайны.

Молодой Дэниел Уитмен умирает на вечеринке по случаю окончания учебы. Его смерть кажется трагической случайностью, но все знают, что его бывшая девушка Харпер Фенн – дочь ведьмы, и она была там, когда он умер.

Была ли смерть Дэниела несчастным случаем, мстью – или чем-то более зловещим?

Люди обвиняют друг друга, город охватывает паранойя, и начинается... охота на ведьм.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Главные действующие лица	6
1	8
2	9
3	16
4	24
5	32
6	37
7	45
8	55
9	62
10	64
11	68
12	74
13	81
14	88
15	93
16	98
17	101
18	106
19	112
20	118
21	125
22	130

23	134
24	139
25	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

В.В. Джеймс

Санктуарий

V.V. James
SANCTUARY

Публикуется с разрешения издательства Gollancz,
an imprint of The Orion Publishing Group, London.

Перевод с английского Татьяны Черезовой
Дизайн обложки Екатерины Климовой

Серия «Mainstream. Триллер»

Copyright © V.V. James 2019

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Джону:
дружба – это самое настоящее чудо*

Главные действующие лица

Ковен (или собрание ведьм)

САРА ФЕНН, ведьма

ЭБИГЕЙЛ УИТМЕН, БРИДЖИТ ПЕРЕЛЛИ-ЛИ, ДЖУЛИЯ ГАРСИЯ – подруги Сары Фенн

Школьники

ХАРПЕР ФЕНН, дочь Сары Фенн

ДЭНИЕЛ УИТМЕН, квотербек «Спартанцев Санктуарий»

ИЗАБЕЛЬ ПЕРЕЛЛИ-МАРТИНО, дочь Бриджит Перелли-Ли и Пьера Мартино

БЕАТРИЗ ГАРСИЯ, дочь Джулии Гарсия и Альберто Гарсия

Партнеры

МАЙКЛ УИТМЕН, профессор медицинского факультета Йельского университета

ЧЕРИЛ ЛИ, директор старшей школы Санктуария

ПЬЕР МАРТИНО, бывший муж Бриджит и отец Изабель

АЛЬБЕРТО ГАРСИЯ, муж Джулии Гарсия, отец Беатриз
Гарсия

Полицейские

МЭГГИ НАЙТ, следователь от полиции штата

ТЭД БОЛТ, шеф

ЧЕСТЕР ГРИНСТРИТ, сержант

РЕМИ ЛАМАРР, лейтенант полиции штата Коннектикут

РОУЭН ЭНДРЮС, независимый магический следователь

*И потому смерть – справедливый и
заслуженный конец доброй Ведьмы.*

Уильям Перкинс

«Трактат о проклятом искусстве ведьмовства»,

1608

1

Харпер

Когда Дэниел умирал, наши мамы пили шампанское. Посасывали пузырьки, когда Беатриз вопила у пылающего домика для вечеринок, а меня грузили в «скорую».

Мама рассказала, что как раз перед тем, как мимо них с воем промчалась первая пожарная машина, они вчетвером чокались, произнося тост. Они подняли бокалы и выпили за наше будущее. Они поздравили себя с тем, что несмотря на то, что у нас, ребят, были свои «разногласия» – а у них четверых тоже были «разногласия» – мы все выдержали. Трудности позади, и наша дружба, как и их дружба, стала только крепче.

Ложь, ложь, ложь. И все они это знали.

2

Сара

– За наших детей, наконец-то ставших взрослыми! – говорит Бриджит. – Ну, вообще-то, ваших. За Харпер, Беатриз и Дэниела. Через несколько недель выпускной, а потом – длинное лето и блестящее будущее.

Хозяйка дома отодвигает свою тарелку и подается вперед, чтобы подлить нам шампанского.

Я говорю «подлить», но это не совсем верно. Бриджит разлила шампанское всего несколько минут назад, так что остальные едва пригубили. А вот у нее бокал уже пустой. Как и три винные бутылки, которые стоят среди остатков обеда.

Милая Бридж любит выпить. А завтра станет жаловаться, что я сварила ей слишком слабое зелье от похмелья. Но я же просто ведьма, я не творю чудес.

Ну, не считая того раза.

Тогда мы вчетвером сидели за этим же столом теплой летней ночью, и время от времени с пролива Лонг-Айленд налетал соленый ветер. Вечер, очень похожий на этот.

– За наших ребят, – говорю я и, подняв бокал, делаю боль-

шой глоток, чтобы отогнать ненужные воспоминания. – Джулию поздравляю с тем, что Би прошла на курс политологии при юрфаке. А Эбигейл – с тем, что Дэн получил спортивную стипендию. У вас подрастают звезды.

Эбигейл так и лучится материнской гордостью. Она начинает сиять при каждом упоминании о сыне. Как и всегда.

– И за тебя, Сара, – подхватывает Джулия. – С тем, что Харпер...

Она смущенно замолкает. Этой осенью мою дочь не ждут ни стипендия, ни университетские занятия. Харпер никуда документы не подавала. Вообще-то дети ведьм обычно не поступают в колледж. Они становятся подмастерьями. Но у Харпер и этого будущего нет – по причинам, которые моим подругам хорошо известны.

Эбигейл, поднаторевшая в неловких ситуациях на бесконечных факультетских вечерах в Йеле и спортивных собраниях, куда она ходит со своими мужчинами, ловко включается в разговор.

– Сару поздравляем со всеми теми перспективами, которые откроются перед Харпер, – мурлычет она.

– Именно это я и хотела сказать! – Джулия хватается за брошенный ей спасательный круг. – Это чудесное время для наших ребят.

– Ну, они-то празднуют сейчас, – говорит Бриджит, размахивая бутылкой. – А мы почему отстаем?

Она снова разливает, так рьяно, что шампанское пеной

проливается нам на пальцы. Мы смеемся, облизываем липкие пальцы и улыбаемся друг другу.

Я горжусь этими женщинами – моими подругами. Не все и не всегда у нас было гладко. Я сохранила много тайн, чтобы поддерживать мир между нами. Я делала даже больше. Но мы держались и остались вместе несмотря на «временные разногласия». Несмотря на все ссоры и примирения наших ребят.

Тень перекрывает поток света, льющийся через стеклянные двери. Это Черил: как всегда трется рядом, когда мы вчетвером собираемся у нее дома. Пусть Черил и жена Бриджит, но когда она видит нас, то видит не ведьм, собравшихся колдовать, а просто компанию женщин, в которую, как ей кажется, ее должны были бы принять.

Черил уверена, что ее не хотят видеть, потому что она слишком набожная. Отчасти это так: Бог и колдовство плохо сочетаются. Но главная причина в том, что «той самой» ночью ее с нами не было.

– Как вам ужин? – спрашивает она, останавливаясь у Бриджит за спиной. – Аромат был чудесный!

– Ты не попробовала мое ризотто с морепродуктами? – Бриджит разворачивается и берет жену за руку, чуть не съезжая задницей со стула. – Я тебе оставила тарелку на кухонном столе, лапуля!

– Поздновато для ужина. Уже двенадцатый час, знаешь ли.

Ответ Бриджит тонет в шуме и завывании промчавшейся мимо пожарной машины. А потом – еще одной. А потом пролетает скорая помощь. Синие проблески мимолетно освещают стену дома, а машины несутся дальше по Шор-роуд.

Черил цокает языком.

– Они разбудят Иззи!

Она квохчет над дочкой Бриджит не меньше, чем сама Бридж. Иззи на вечеринке сегодня нет – якобы потому, что ей нездоровится, она легла спать пораньше. Подозреваю, что на самом деле все проще: либо ее не пригласили, либо она не сочла себя желанной гостьей.

Иззи старается быть незаметной. Расставание родителей далось ей тяжело. А уж когда город узнал, что новый партнер ее мамы – женщина... Может, мы и живем неподалеку от Йеля, но Санктуарий далеко не так толерантен, как всем хочется думать. А то, что эта женщина оказалась директором школы, уничтожило любые шансы Иззи стать своей в компании учеников.

Харпер приходила домой в синяках, заступаясь за нее и ввязываясь в драки. Бриджит и Черил чуть из-за этого не разошлись, потому что Черил понимала: если она слишком жестко накажет виноватых ребят, все станет только хуже. В конце концов – и с небольшой моей «помощью» – задирам надоела Иззи, и они переключились на новую жертву. Тем не менее Иззи и сейчас предпочитает не слишком выделяться.

Черил задержалась у стола. Она нервно перебирает пред-

меты, лежащие среди тарелок и мисок: связку веточек, завернутых в красную шерсть, свечку, фигурки из серебряной проволоки, которые ни на что не похожи. Бриджит огорченно за ней наблюдает, и Эбигейл подается вперед: воплощенное обаяние профессорской супруги.

– Ты так занята в конце семестра, Черил! Мы, родители, глубоко благодарны тебе за все, что ты делаешь! Кажется, я видела тут стопку каких-то бумаг, наверняка важных...

Джулия улыбается: маневры Эбигейл совершенно прозрачны, но они не раз помогали нам преодолевать неловкие моменты.

В доме заливается телефон. Черил с мученическим видом забирает пустые бутылки и идет отвечать.

– Скорее всего, ученики балуются, – говорит Бриджит, закатывая глаза. – Каждый чертов месяц приходится менять номер телефона. А может, наркоши снова пытались забраться в школьные лаборатории. Уж не знаю, что они рассчитывают там найти. Можно подумать, ребятам дают лишние баллы за приготовление наркотиков.

Я фыркаю прямо в бокал.

– Черт! Нет! – громко ахают в доме. Как ни странно, это Черил. – Это точно? Да, могу. Вашу мать!

Обычно Черил краснеет, даже когда говорит «блин». В чем дело? Кто-то подпалил школу? Это туда ехали пожарные? Бриджит неуверенно встает, чтобы пойти к жене.

Правда, от более сложной задачи – дойти по прямой до

Черил – ее избавляют. Потому что Черил сама выбегает к нам. Я думала, она злится, но все гораздо хуже. Она совершенно не в себе – и при виде нее у меня сжимается сердце.

– Несчастный случай, – говорит она. – Пожар. На вечеринке.

На вечеринке!

Мы с Джулией и Эбигейл ныряем под стол за сумочками и телефонами. Мы всегда их убираем, когда сидим вчетвером. Экран оживает, и там загораются сообщения от Харпер. Одно за другим. Слишком много, чтобы прочитать, слишком быстро, чтобы понять, что случилось.

«Позвони мне, ма. Случилось что-то ужасное», – написано в одном.

Рядом со мной стонет проверяющая телефон Джулия. Эбигейл стиснула свой изо всех сил. На ее экране уведомлений нет.

Я перехожу к следующему сообщению Харпер.

«Меня везут в больницу, но не бойся, я ок».

«Вы не отвечаете!!! Сказала копам, что вы все у Иззи. Щас позвонят».

И наконец: «Это Дэн».

Я читаю дальше – и у меня перехватывает дыхание, но Черил уже это говорит. Произносит слова, которые мне из себя не выдавить. Слова, которые я никогда, никогда не думала услышать еще раз.

– Это Дэниел, – Черил отказывается смотреть на нас. – Он

умер. Ох, мне так жаль, Эбигейл! Он умер.

3

Мэгги

Ребята. Вечеринка. Алкоголь у несовершеннолетних. Трагедия.

Увы: я вижу это чаще, чем меня видят в спортзале.

Обычно там еще фигурирует автомобиль. Десять лет родительских взносов в фонд для учебы в университете, годы выцарапывания приличного среднего балла, тщательно спланированная благотворительность – и все это вмазывается в дерево на скорости 190 км/час на неосвещенном участке шоссе.

В Санктуарии имеются все нужные компоненты такой истории. Я уже и забыла, какой это претенциозный городок. Сворачивая на очередную тихую пригородную улочку, я смахиваю мусор с пассажирского сиденья на пол, чтобы его никто не заметил. Санктуарий из тех мест, которым хорошо удастся продемонстрировать вам ваше несовершенство.

Дома стоят от проезжей части настолько далеко, что их почти не видно за деревьями. Дворы такие широкие, что вы не услышите, как соседский садовник катается на газонок-

силке. За каждым воротами – настоящая выставка автомобилей: по одному для каждого члена семьи и спортивный для уикендов.

Я родилась и росла в Хартфорде, и когда меня сразу после окончания Полицейской академии распределили сюда, мне показалось, что я попала за границу. Люди говорят по-другому, выглядят по-другому... Даже воздух тут другой. Солонее. Свежее. Дороже.

Свернув на Шор-роуд, я открываю окно, чтобы впустить этот воздух. Вечернее солнце пятнает океан и отражается от песка, и я щурюсь от яркого света. Дорожка уходит к спортивному клубу – как я помню, там любят тусоваться подростки. Здешние ребята даже не понимают, как им повезло.

Вот только теперь с ними случилась беда. Я бросаю взгляд на лежащую рядом папку. Дело автоматически передается полиции штата из-за возраста погибшего. Не исключены и другие уголовные преступления и проступки, включая поджог, прием наркотиков и употребление алкоголя несовершеннолетними.

– Ты же уже работала в Санктуарии, так? – сказал мой босс, не поднимая взгляда, и швырнул мне через стол дело. – Пожар на вечеринке. Один погибший. Есть травмы, но ничего слишком опасного. Закрой все аккуратненько, завяжи сверху бантик – и будь здесь через неделю.

Теперь воздух изменился. В нем сплошная гарь и дым, а не соль. И вот передо мной тот дом, вилла «Вояж». Фасад

остался странно нетронутым, и дом похож на выеденное яйцо, словно пламя вспыхнуло в середине и прогорело к тому моменту, как добралось до стен.

Помощник шерифа под наблюдением коллеги возвращается на место трепещущую ленту. Вокруг – раскисшая грязь, оставленная подъезжавшими и уезжавшими скорыми и пожарными машинами, заливавшими дом. Стоит мне выйти из машины – и мои ботинки в ней тонут.

Коп, до этого глазевший на ленту, спешит ко мне и размахивает руками, пока я не предъявляю ему жетон.

– Вы следователь? – недоверчиво спрашивает он.

Этот засранец что, никогда раньше не видел чернокожей женщины-следователя? Если так, то он пропустил несколько отличных телесериалов.

– Агент Найт? – окликает меня его спутник, завязав ленту и направляясь к нам. – Шеф велел мне все тут для вас подготовить. Вот все ребята, которые тут были.

Он вручает мне список участников вечеринки, и я поражаюсь его длине.

– Практически весь выпускной класс школы, – поясняет Услужливый Коп. – Плюс девицы из загородной частной школы и футболисты со всего округа. Судя по всему, приглашения раздавал Дэн: он был перспективный спортсмен и популярный парень.

Конечно. Похоже, Дэн был Мистер Общительность штата Коннектикут. Я вспоминаю фото с первой страницы дела:

густая грива светлых волос и улыбка, которая, похоже, даже не потребовала услуг ортодонта. Парнишка так и сиял юностью. Где-то в Санктуарии осталась его мама, у которой разбилось сердце – хотя я прекрасно знаю, что сердца разбиваются даже у мамочек подлецов и уродов.

Что-то щекочет мне щеку и падает на список. Я смахиваю предмет, оставляя на бумаге сальную черную полосу. Это сажка. Ее длинные перистые хлопья мягко падают с неба, словно кто-то расстрелял там стаю ворон.

Вилла «Вояж» была шикарная – до того, как обуглилась. В деле сказано, что ее сдавали на лето, а на момент вечеринки она пустовала. Может, кто-то сжег проводку слишком мощными звуковыми колонками. Или ребята забыли об осторожности и прикуривали косяки от кухонной плиты. А может, виновата телефонная зарядка с разлохматившимся проводом.

Короче: сначала огонь. Потом давка в панике убегающих людей. И паренек падает и ломает шею. Паренек, в крови которого наверняка найдут огромное количество алкоголя.

Итак: невозможность критически мыслить в результате злоупотребления спиртным и/или наркотиками. Смерть в результате несчастного случая. Дело закрыто. Может, родители сумеют подать гражданский иск на владельца недвижимости, но шансов у них немного, так что лучше бы им просто тихонько горевать.

Я смотрю на список. Имя погибшего идет первым. Дэниел

Уитмен.

Когда я получила дело, имя мне показалось знакомым. Но в Коннектикуте масса Уитменов, и все утверждают, будто они состоят в родстве с поэтом. Может, некоторые даже говорят правду. Я посмотрела на его родителей: похоже, папа Дэниела – знаменитый в узких кругах Йельский профессор, в честь которого названо несколько редких болезней.

Второе имя в списке определенно мне знакомо. Джейкоб Болт.

– Эй, – спрашиваю я Услужливого Коп. – Болт. Когда меня шесть лет назад направили в этот район, шефом был Тэд Болт. Родня?

– Он и сейчас шеф. И – да, Джейк – его младший сын. У него четверо детей.

Я пытаюсь вспомнить шефа Болта. Первым приходит на ум слово «большой». Вторым – «популярный». Третьим оказывается «чистый». Я тогда часто ездила на вызовы, но дела дальше этого никогда не продвигались. Я всегда подозревала, что Санктуарий решал вопрос о своих правонарушителях осторожными переговорами и весомыми пожертвованиями в фонд помощи полиции. Меньше бумаг, никаких пометок в личном деле – и все остаются друзьями.

– Я записал Джейкоба первым, – говорит Услужливый Коп, – потому что он лучший друг... был лучшим другом покойного. А это – девушка Дэниела. Или бывшая девушка, я не совсем уверен...

Он указывает на еще одно имя, Харпер Фенн, и за него я тоже зацепляюсь. Удивительно, сколько же я помню. Я работала в этом районе двенадцать месяцев шесть лет назад, а ощущение такое, будто я знакома с половиной городка. Интересно, каково здесь жить?

Харпер Фенн, должно быть, дочка местной ведьмы. Интересно, странный магазинчик Сары Фенн так и остался на площади? Я запомнила ее, потому что девчонки вечно туда забегали в поисках приворотных зелий или увеличивающих грудь чар, или заклинаний, помогающих учиться. Фенн относилась к этому небрежно, и мне приходилось то и дело напоминать ей, что продажа ведьмовских продуктов имеет возрастные ограничения, точно так же, как спиртного и сигарет. Она вздыхала, обещала проверять удостоверения личности и заваривала мне мерзкий травяной чай. Милая дама, хоть и бестолковая, какими обычно и бывают все ведьмы с центральных улиц.

– Да это же малышка Мэгги Найт!

Удар между лопатками чуть не сшибает меня с ног. Одно дело добродушное похлопывание, и другое – рукоприкладство. Шеф Болт хоть и служит в органах правопорядка, но, похоже, плохо понимает границу между этими двумя вещами.

– Рада видеть вас, сэр.

Мясистая лапа отодвигает меня, чтобы подвергнуть осмотру. Хотя я сейчас старше него по чину, я все равно

ежусь под его взглядом, словно забыла почистить скаутский значок. Глаза у него ярко-голубые и жесткие, словно его мамочка выбирала их на пуговичном развале.

– Похоже, тебя повысили с дежурств у кофейника, а, Мэгз? Наш город рад снова тебя видеть. Вот как оно бывает. Весь город скорбит. Дэниел был хороший парень, по-настоящему хороший. И законопослушный. Сколько раз он к нам приходил, они с Джейки зависали у него в комнате. Я горжусь, что другом моего сына был такой порядочный юноша.

Я представляю себе Дэниела и Джейки в его берлоге за всеми привычными развлечениями восемнадцатилетних парней: за кровавыми компьютерными стрелялками, под кайфом, лапающими подружек.

– Конечно, будут вопросы, Мэгз. Но давай договоримся. Дом пора было ремонтировать. Понятно, как начался пожар. Совершенно понятно, что ребята запаниковали. Даже трезвым как стеклышко можно неудачно упасть. Дэниелу просто чертовски не повезло. Он вроде как местный герой. Первоклассный квотербек, тренировал малышню. Ни к чему марасть репутацию парня, который погиб вот так. Или втягивать в это еще кого-то.

Он снова стискивает мне плечо для пущей убедительности. Тэд меня предупреждает. Защищает своего собственного сыночка, а не только репутацию покойного Дэниела Уитмена. Я моментально пересматриваю свой взгляд на то, чем парни развлекались в свободное время: возможно, тяжелая

наркота и немного больше, чем флирт со своими подружками. Что покажет токсикологический анализ и что окажется в крови Дэниела на момент смерти?

И тем не менее шеф был прав. Что бы Уитмен ни выпил, выкурил или вынюхал, не такое уж это и преступление. Это был просто бессмысленный несчастный случай, оборвавший жизнь какого-то несчастного спортсмена и напугавший всех подростков города. Да и босс хотел, чтобы я уже через неделю вернулась.

– Да, все понятно, – сказала я. – Просмотрю показания ребят и быстро закрою дело.

Когда звонит телефон, у меня едва хватает сил выпростать руку из-под одеяла, чтобы его взять. Да и зачем мне это делать? Половина жителей Санктуария уже звонили со своими соболезнованиями, а вторая половина заставили мою кухню запеканками, кексами и горшочками с супом. Намерения у них добрые, но мне не хочется разговаривать или что-то есть – и больше никогда не захочется.

Мне хочется только спать. Потому что каждый раз, когда я просыпаюсь, я несколько дивных секунд думаю, что вынырнула из кошмара и Дэниел по-прежнему жив. Ужас наваливается – и с каждым разом все быстрее – когда я соображаю, что... нет... каким кошмаром стала моя жизнь. Но как же я жажду этих драгоценных секунд, когда ещё могу побыть счастливой.

Телефон не умолкает, пока я высвобождаю пальцы из рукава. На мне то же, в чем я была за ужином два дня назад: одежда, которую я надевала, когда Дэниел еще был жив. Вещи, к которым он прикоснулся, когда обнял меня перед мо-

им уходом к Бриджит. Мне почему-то кажется, что на них остался его запах, хоть я и понимаю, что сейчас от них может пахнуть только моим собственным невымытым телом.

Я тянусь к тумбочке за телефоном, опрокидывая стоящую там фотографию. Улыбающееся изображение Дэниела стучается об пол, и я начинаю безудержно рыдать.

Не имея сил поднять снимок, я прячусь под одеяло и закусываю уголок, чтобы не слышать собственных рыданий.

Весь вчерашний день я была словно на автопилоте. Мы с Майклом прямо от Бриджит поехали в больницу, но никакой надежды не было: мой мальчик умер еще до того, как его занесли в скорую. Майкл его опознал. Мне посоветовали не смотреть. А потом мы уехали домой.

Я подкрасила губы, брызнула на себя духами и сидела на диване всю ночь и все следующее утро, принимая посетителей. Я кивала и пожимала руки, протянутые с сочувствием. Говорила всем, что они так добры и что их соболезнования нам важны. И все это время мне хотелось только раскачиваться взад-вперед и орать им всем: «Убирайтесь, убирайтесь, убирайтесь!»

И вот они убрались. Даже Майкл уехал в Йель – срочные факультетские дела. И хотя я бесилась и требовала, чтобы он остался, теперь я была рада его отъезду: дома остались только я и Дэниел. Я и мои мысли о Дэниеле. И я хочу, чтобы так и было, всегда-всегда.

Вот только телефон не перестает звонить. Я поднимаю

трубку, собираясь бросить ее обратно и оборвать звонок, но привычка заставляет меня прижать трубку к уху и произнести самым любезным голосом профессорской супруги: «Дом Уитменов, Эбигейл у телефона».

И слушаю вежливый сухой голос, который говорит, что «есть одна деталь», которую они хотели бы «прояснить, если можно».

Очнулась я, когда кто-то пытался вырвать трубку из моих пальцев.

– Отпусти, Эбигейл. Эби!

У моей кровати Бриджит. Это она отбирает у меня трубку. Я сопротивляюсь, не хочу отпускать. Мне хочется колотить ею себе о голову, пока не потеряю сознание. Это прогнало бы боль, потому что я знаю: ничто другое не поможет. Ничто и никогда эту боль не прекратит.

Кто-то кричит: «Заткнись, заткнись, как ты смеешь, заткнись!»

Это я.

Бриджит говорит в трубку: «Извините, сейчас неподходящий момент...»

А потом она вопросительно смотрит на трубку – и кладет ее.

– Там никого нет, – говорит она. – Эбигейл, что это было? Ты как?

Мой малыш. Бедный, бедный мой малыш.

Я резко бью по телефону, и он ударяется о стену. Мне это

нравится. Приносит облегчение. Я тянусь за тем, что стоит рядом: один из футбольных кубков Дэниела, блестящий и тяжелый. Ярость придала мне силы, и я впечатываю его в тумбочку, надеясь, что стеклянная столешница разобьется вдребезги, но она не разбивается. Я бью снова, сильнее.

Если я что-то не сломаю, сломаюсь я.

И я ломаюсь. Я роняю кубок, зарываюсь под одеяло и плачу так, что меня вот-вот разорвет.

Бриджит пытается завладеть моим вниманием, вернуть в мир, где мой сын мертв, а кто-то звонит мне, чтобы облить его грязью.

– Эби, что происходит?

Я пытаюсь сопротивляться, но Бриджит сильная. Она тянет меня ближе к себе, переворачивает – и отшатывается. Она никогда не видела меня такой. Или много лет не видела.

– Оставь меня в покое! – молю я.

Недавний выброс адреналина сошел на нет, оставив меня вялой и обессиленной.

– Тебе надо поесть, принять душ. Только самое основное. Пошли.

Она включает обжигающе горячий душ. Поднимает меня с постели, помогает раздеться, даже сует руки в кабинку и намыливает мне голову, словно я маленькая. Так я мыла Дэна, когда он был малышом. Я приваливаюсь к стеклянной стенке, слишком измученная, чтобы плакать.

Бриджит приготовила мне одежду, и это такая материн-

ская забота, что у меня ноги подламываются. Так и я выкладывала Дэну на кровать чистое белье, готовила спортивный костюм в день матча.

– Я буду внизу, – говорит она. – Сара приготовила салат с цуккини, твой любимый. Одевайся и приходи ко мне.

И она права. Мне полегчало после душа. После того, как я нанесла макияж на лицо. Уложила волосы. Я снова стала Эбигейл Уитмен. Я надеваю мягкую одежду так, словно это – прочнейшая броня. Потому что я запомнила этот звонок. Этот размеренный голос, произносящий ложь так обыденно, словно зачитывая список продуктов. И мой крик. Даже когда я услышала, что трубку повесили, я продолжала кричать, не могла остановиться.

Дэниела нет – но я ему все равно нужна.

Бриджит ни о чем не спрашивает, пока я не наедаюсь, отодвигая салатницу. К ней Сара привязала бирку, написав своим округлым почерком: «Люблю тебя и сделаю все, ты только скажи, С». Я тереблю записку, пересказывая Бриджит то, что сказал мне голос в телефоне. Слова застревают в горле.

– Это был репортер, я не разобрала откуда, с ужасными вопросами. Дэн употреблял наркотики? Пил? Были ли на вечеринке наркотики и спиртное? А потом... Глупости. Гадости, – мне приходится остановиться, чтобы взять себя в руки. – Какая-то чушь насчет показа порно на вечеринке.

Едва эти слова слетели у меня с языка, как я уже жалею, что сказала про это. Но, с другой стороны, если репортеры

знают, то, конечно, и полгорода тоже. Уверена, что Черил соберет все сплетни, гуляющие по школе, и передаст их Бриджит за ужином. Еще пара часов – и моя подруга будет знать больше, чем я.

– Порно?

Бриджит недоумевает. Она бывает такой простушкой – как ее глуповатая дочка. Наверное, она впервые рада, что Иззи изгой и не получила приглашения на вечеринку, которую местный телеканал уже назвал «кошмаром любого родителя».

– Оказывается, несколько ребят сказали копам, что на стену спроецировали кое-что. И не просто выбранное наугад порно: съемку Дэниела с девицей.

– С девицей? Дэниела с Харпер?

– Откуда мне знать. Просто какие-то ребята сказали какую-то чепуху. Ребята, которые были пьяны и находились в здании, полном дыма, Бога ради!

– Звучит...

У Бриджит нет слов. Не знаю, существуют ли вообще слова, чтобы описать происходящее. И вдруг я уже не горюю – я в ярости.

– Та журналистка сказала, что просто «следит за ходом расследования». Какого расследования? Тэд Болт стоял со мной, пока Майкл опознавал тело нашего сына, и обещал позаботиться, чтобы следователь от штата быстро составил доклад и оставил нас в покое. И вот теперь кто-то начал ко-

паться в грязном белье. Разве мало того, что его больше нет? Моего малыша больше нет...

И я снова срываюсь. Слезы. Сопли. Меня трясет. Полный набор. Я теперь всегда буду так жить? Мечась от горя к ярости и обратно? Без передышек. Получая удары снова и снова, со всех сторон.

Бриджит кладет руку мне на спину и обводит взглядом мой пустой дом.

– А где же Майкл?

– Совещание на факультете. Вечером вернется. Работа поможет ему держаться.

Или так он мне сказал. А я заорала, что наш единственный ребенок мертв и пусть его совещание катится к чертям, но он все равно поехал.

Может, это и правда ему поможет. Я не должна обижаться из-за того, что он может сбежать, утопить горе в работе. А у меня такой отдушины нет: ведь я перестала преподавать, когда мы поженились.

И только тут я понимаю – по-настоящему понимаю – сколько же я потеряла. Мужа, которого я вижу только в выходные. Карьеру, которую я бросила. И все это мне всегда компенсировал Дэниел.

А теперь у меня нет ничего. Вообще ничего.

И какой-то следователь решил извлекать моего сына в грязь, когда он еще даже не в могиле!

Я этого не допущу.

Я начинаю искать сумочку и ключи от машины.

– Эби? Я не дам тебе сесть за руль, – говорит Бриджит.

– Ну, тебе меня не остановить.

– Ладно. Давай я поведу. Куда нам?

Я подталкиваю ключи к ней по столешнице – и снова вижу записку от Сары. «Сделаю все...»

Мне приходит в голову сумасшедшая мысль. Вместо того чтобы ехать к копам, я могу поехать к подруге-ведьме.

Но это безумие.

– В отделение полиции, конечно. У меня есть вопросы.

5

Мэгги

Я вчера заходила в больницу, чтобы поговорить с Харпер Фенн и другими ребятами, которых госпитализировали, и знаете что? Отравление продуктами горения и ожог трахеи означают, что ей строго запрещено разговаривать как минимум тридцать шесть часов. Да и потом стараться молчать. Если она хоть немного похожа на двух ребят моей кузины, мы могли бы провести опрос смс-ками.

Свидетели утверждают, что она «вышла из себя» в разгар вечеринки. Видели, как она орет и визжит. Никто не может сказать мне, в чем было дело, но не надо быть лучшим студентом академии, чтобы заподозрить, что это связано с тем «грязном видео», о котором упоминали несколько участников вечеринки.

Конечно, все говорят, что толком ничего не рассмотрели. Но подразумевают одно и то же. Это не просто включить ради смеха порносайт. Это видео с теми людьми, которых они знали.

По слухам там был снят сам Дэниел. Вероятно, какие-то

ребята из команды прокрутили видео по приколу. Может, там с ним снята Харпер. Может, другая девица.

В любом случае, это гарантировало ссору между ними. Она в гневе удаляется. Он пытается ее догнать, но он слишком пьян, спотыкается... и падает.

– Мэм? – снова повторяет регистратор.

– Извините. Вы сказали «выписана».

– Ага, ее выписали... о, всего несколько минут назад, – регистратор хмурится, глядя на свой экран. – Это отражается у нас в системе, как только врач дает разрешение, но пациент потом обычно переодевается в свою одежду, идет в туалет и все такое. Если поспешите, то, может, найдете ее.

Немного поплутав, я оказываюсь в отделении терапии. Харпер была не единственной, кого сюда доставили с вечеринки, и благодаря открытым дверям и большим окнам в помещении царило оживление, словно в школьной рекреации. Двое подростков болтали, сидя на кроватях, вызывая раздражение немолодой дамы напротив них, которая пассивно-агрессивно стучала вязальными спицами. Еще одна девушка с плотно перевязанной рукой и блестящей от противоожоговой мази шеей пускает слюни под действием успокоительного.

Одна из кроватей отделена занавесками. Я обращаюсь к жестким синим складкам:

– Извините... Харпер Фенн?

– Не входите, – хрипит голос.

Занавеска дергается, как будто ее схватили изнутри.

– Не буду.

Я отступаю, не желая устраивать сцену. Некоторые из пациентов уже смотрят в нашу сторону с любопытством. Совет будущим правонарушителям: не совершайте преступление в больничной палате, в доме престарелых или в аудитории. Страдающие хронической скукой – самые наблюдательные свидетели.

– Я подожду в коридоре, – говорю я.

Где мама Харпер? Девочка же не думает добираться до дома одна?

Вскоре Харпер Фенн выходит. Я ее рассматриваю. Она стройная и по-жеребьячи высокая, в драных черных джинсах и куртке, которые, видимо, накануне привезла ей мать. Темные волосы в неаккуратной косе и удивительно светлые глаза. Пирсинг в носу – и еще один она как раз закрепляет на губе.

Скорее из фанаток рока, чем чирлидер. Но мне понятно, чем она могла привлечь такого парня, как Дэниел Уитмен, с его папашей из престижного университета и мамашей словно из сериала «Настоящие домохозяйки».

– Харпер? Я – агент Найт, веду стандартное расследование того, что случилось на вечеринке. Мне надо немного с вами поговорить. Давайте я угощу вас кофе внизу?

Девушка смотрит на меня. В ее взгляде есть какая-то неуверенность. Она видела, как ее парень погиб? Смотрела,

как он после их ссоры проталкивается через толпу, а потом спотыкается и падает? Не начнет ли она рыдать так, что не сможет сказать ни слова?

В следующее мгновение Харпер указывает на свое горло:

– Горячее нельзя, – каркает она.

– Тогда, может, что-то холодное? Или колу приятной комнатной температуры?

Она не улыбается.

– Не могу говорить, – отвечает она и хочет пройти мимо меня.

– Всего несколько вопросов, пожалуйста. Вы видели, как Дэниел Уитмен упал?

– Нет. Меня рядом не было.

– А где вы были?

– На лестнице. Он свалился с площадки.

Так мне и говорили, и это согласуется с тем, где нашли его тело – с учетом толкотни убегающих с вечеринки ребят. Однако меня настораживает не то, что сказала Харпер, а то, как она это сказала. «Он свалился с площадки». Странная холодность – использовать так мало слов, никакого описания.

Может, она в шоке? Я уже много раз такое видела, хоть и стараюсь прогнать воспоминание о девушке, которую я опрашивала в больнице – которая так отчаянно спешила выговориться, пока ее время не истечет.

– Он пил? Были ли на вечеринке наркотики?

Я ожидаю обычного для преданной подружки отрицания,

но она снова меня удивляет.

– Это была первая большая вечеринка этого лета. Сами как думаете?

– Вы с Дэниелом тем вечером поссорились?

– Я была им недовольна.

– Свидетели говорят, что вы кричали.

– Да.

– На него? Почему?

– Не на него.

– А на кого?

Но она не говорит: растирает горло руками. Медсестра хмурится и идет к нам.

– Харпер, у вас есть основания считать, что падение Дэниела не было случайным?

– Случайным? – звук, который у нее вырывается, странно похож на смех. Хриплый и болезненный. – Дэн Уитмен не стал бы убиваться из-за такой мерзкой шлюшки, как я.

Ее слова меня потрясают. Как и ее ясный бледный взгляд, когда она их произносит.

Чуть кивнув, Харпер Фенн уходит.

6

Мэгги

Когда я возвращаюсь в полицейский участок, в дежурной сидит Мерзкий Коп.

– Есть кое-что для тебя, – говорит он, – очень пикантное.

Он тычет пальцем в сторону задней комнаты, где Тэд Болт, явно не рассчитывающий долго принимать меня в своем отделении, выделил мне стол и компьютер, которые выглядят так, словно их выудили из мусорного бака. Или, может, со дна канала.

Я вчера Болта вообще не видела. Он оставался с сыном, который очень тяжело воспринял смерть Дэна. Джейк Болт тоже не смог вчера со мной разговаривать. Мне надо поскорее до него добраться.

Его папочке не понравятся вопросы, которые я задам. Я помню его практически прямое предостережение избегать всего, что может вызвать скандал. И мне это понятно, на самом-то деле. Двое родителей оплакивают сына. Школьники горюют об однокласснике. Город горюет о местной звезде. Зачем продлевать боль ненужным расследованием?

Вот только расследования не бывают ненужными. Смерть восемнадцатилетнего парня не должна остаться без объяснений, потому что ее не должно было быть.

Пока смерть Уитмена выглядит вполне понятной. Только две вещи меня тревожат. Первая – это пожар. Смерть и пожар – это типичная стратегия убийства с сокрытием улик, но обычно это происходит вдали от зрителей. Обгоревшие трупы находят в брошенных машинах или пустых контейнерах. Надо быть или сумасшедшим, или просто гениальным преступником, чтобы убить паренька в разгар многолюдной вечеринки, а потом поджечь дом, чтобы скрыть следы.

Самым простым объяснением было бы то, что что-то взорвалось – неисправный прибор или фейерверк – и спровоцировало пожар. Надо надеяться, что эксперты быстро дадут ответ.

Вторым триггером в этом деле была запись с чьими-то сексуальными похождениями. Можно предположить, что в понимании дежурного «нечто пикантное» относится именно к этому, а не к данным экспертизы.

На экране моего компьютера идет зернистая съемка. Через плечо второго полисмена, который изучает ее с подлинным рвением, я вижу танцующую девушку, высоко поднимающую банку «Доктора Пеппера». На ней малюсенькие шортики и короткая маечка, и ее немалый бюст колыхается перед камерой.

– А-га! – говорит коп.

Может, он и не пускает слюни на мою улику. Может, он настолько предан своему делу, что помогает в моем расследовании в свой обеденный перерыв. Может, меня зовут не Мэгги Найт.

– Выглядит захватывающе, – говорю я. – Съёмка с вечеринки, да? Откуда она у вас?

Он вскакивает, хмурится.

– Прислала по почте одна из опрошенных вчера. Думала, это будет полезно.

Молодец, таинственная участница вечеринки. Даже если в напитках хреново разбираешься. Я запускаю съёмку с начала.

Там темно илюдно, так что телефонная камера мало что ловит. Я все смотрю, ожидая, что вот-вот увижу нечто шокирующее: как падает Дэниел Уитмен или вспыхивает пожар. Но ничего не происходит. Песня заканчивается, девушка прекращает танец, а объектив устремляется к полу до смены мелодии. Мой взгляд ни за что не зацепился.

Я просматриваю запись снова, пытаюсь определить местонахождение увиденного по схеме этажа, по фотографиям сдававшего виллу агентства и по нашим собственным снимкам обуглившихся развалин. Мы находимся в комнате, примыкающей к центральному вестибюлю, где упал Дэниел Уитмен.

Я прокручиваю ее в третий раз, гадая, что же я упускаю. Может, тут вообще ничего нет, а приславшая запись девица

– просто из сверхсознательных. Нам следовало бы просмотреть профили из социальных сетей всех, кто там присутствовал. Просмотреть все снимки и запостить призыв, чтобы нам добровольно прислали то видео, потому что реквизирировать телефонные съемки можно только по постановлению суда, а у меня пока для этого нет оснований.

А потом я вдруг вижу. Полоса яркого света появляется в верхней части картинки примерно на сороковой секунде. У моего монитора плохое разрешение, но там явно – движущееся изображение, проецирующееся на стену вестибюля позади танцующей девицы.

Я ее останавливаю и увеличиваю – и вижу светлую кожу на фоне темной простыни. Явное очертание женской ноги.

– Вы ведете расследование?

Миниатюрная блондинка врывается в двери пастельным ураганом. Дежурный вбегает прямо за ней и пытается схватить ее за руку. Она бьет его, и при иных обстоятельствах это было бы забавно: чихуахуа, превратившаяся в бойцового пса. Но я понимаю, что это Эбигейл Уитмен, мать погибшего парня. У нее карт-бланш на плохое поведение.

– Миссис Уитмен? Соболезную вашей утрате.

Она осматривается: голова высоко поднята, взгляд грозный.

– Мой сын мертв, а вы пытаетесь доказать... что... это он в чем-то виноват? Что он был пьян или под кайфом? Все, о чем спрашивала та репортер – это ложь. Это был несчастный

случай!

Репортер?

– Никто не пытается ничего «доказать». Это – рутинная процедура. На данный момент несчастный случай представляется наиболее вероятным. Но мне положено рассматривать все варианты.

– Все варианты? Вы хотите сказать, что кто-то его убил?

Задержавшийся дежурный выгибает брови. А потом разворачивается на месте, и в его походке ясно читается радостное «все скажу шефу». Точно засранец.

Но важнее то, что женщина рядом со мной только что потеряла сына. В таких случаях уберечь родителей от боли нельзя, но можно хотя бы ее не усиливать. Эбигейл Уитмен выглядит почти такой же собранной, как на семейных фото, которые я видела: на них она либо держит руку на плече своего мальчика, либо обнимает его за талию. Однако в ее взгляде я вижу легко узнаваемый блеск. Это дикое, яростное горе, которое она едва сдерживает.

– Нет. Я не говорю, что вашего сына убили. Я хочу сказать, что, когда погибает юный человек, это всегда трагедия, и люди, в особенности родители, заслуживают исчерпывающего объяснения.

– Мой муж профессор медицины в Йеле. Мы тщательно изучим все результаты токсикологических анализов, все, что вы вытащите, пытаясь его очернить. Если ваши гении пробирок сделают хоть малейшую ошибку, мы подадим иск за

клевету.

– Мы не собираемся никого очернять, миссис Уитмен. У меня простая задача: разобраться с тем, что произошло. Надеюсь, это принесет вам облегчение.

Миссис Уитмен трясется. Так бывает, когда потеря внезапная и жестокая, и обрушивается на вас внезапно, вырывая половину сердца. Только что – ярость, а в следующую минуту – беспомощность и отчаяние. У Эбигейл Уитмен впереди долгий, трудный путь. Она будет идти по нему всю оставшуюся жизнь.

Однако она идет по нему не одна. Не знаю, где ее муж, но приехавшая с ней подруга мягко ее усаживает.

– Ты же слышала, Эби. Так положено. Надо просто исключить преступление, – подруга поворачивается ко мне. – Вы ведь исключаете преступление, да?

– Не могу ничего сказать на данный момент, мисс...

– Миссис, – поправляет она меня. – Бриджит Перелли-Ли. Моя жена – Черил Ли, директор школы. Как вы понимаете, у нее на руках сейчас масса выбитых из колеи ребят.

– Могу себе представить. Итак, миссис Уитмен, я делаю все возможное, чтобы разобраться с этим, и буду держать вас с мужем в курсе любых подвижек.

– Будете, да? Наверное, поэтому мне звонят и спрашивают насчет какого-то порно-видео с моим сыном, которое показывали на вечеринке.

– Тот звонок... вы сказали, это был репортер?

Если кто-то сейчас задает вопросы, разговаривает со свидетелями, мне необходимо быть в курсе. Это может привести к искажению показаний – особенно в таких вот небольших городках. А еще может возникнуть представление, будто было совершено преступление, тогда как на самом деле это вовсе не так.

Пока я раздумываю насчет любопытного репортера, взгляд Эбигейл Уитмен устремляется мне за спину, к моему компьютеру. К экрану, который не изменился с того мгновения, как я вскочила при ее стремительном появлении.

К экрану с картинкой с телефона.

В ней снова вспыхивает ярость. Наверное, пожар на вечеринке был вот таким, внезапным и обжигающим.

– Это с той ночи, да? Значит, это правда: ты копаешь. Сучка! Оставь его в покое!

Она бросается на меня, собираясь расцарапать лицо. Однако она тут же сдувается: ярость гаснет, едва вспыхнув. Осталось только горе, рассыпающееся, словно хлопья сажи. Она падает мне на грудь.

– Мой мальчик умер, – шепчет она. – Умер.

Сколько раз ей придется говорить это себе, пока она в это не поверит?

– Можно? – спрашивает миссис Перелли-Ли, указывая на экран. – Просто...

Я киваю. Картинку сложно разглядеть, но в ней нет ничего непристойного. Перелли-Ли наклоняется, всматриваясь в

нее. Она указывает на скопление точек, которые я приняла за выгоревшие пиксели на старом экране. Но теперь, когда она указала на них, я поняла, что они расположены на обнаженной коже девушки.

– Вон там – вот это? Похожее на бабочку? Такая у Харпер, Иззи от них без ума. Перерисовывает себе в ежедневник и умоляет меня разрешить ей тоже сделать такую. Ну, как же!

Значит, на видео и правда Дэниел и Харпер. Это объясняет ссору на вечеринке. Никакой девушке не захочется, чтобы интимный эпизод с ее участием показали всем ее одноклассникам. И я в который раз удивляюсь двойным стандартам нашего общества, когда для парня съемка того, как он трахает девушку – это знак доблести, а для нее – позорное клеймо.

А потом мне вспоминаются горькие слова Харпер, брошенные при ее уходе из больницы. «Такая мерзкая шлюшка, как я».

А что если парень на видео – это не Дэн?

7

Сара

Табличка у меня в витрине перевернута на «ЗАКРЫТО», но меня ждет работа.

Надеюсь, днем я смогу забрать Харпер из больницы. Ей понадобится то, что я завариваю. И Эбигейл тоже понадобится. Моя дочка и моя бедная подруга потеряли парня, который был для них важнее всего.

Для того и существует мое искусство. Современное общество считает, что нашло такие способы облегчить наш жизненный путь, которые работают лучше колдовских: таблетки от печалей, приборчики для любви. Страховка от болезни и лотереи для обогащения. По всей Америке с главных улиц исчезают лавки ведьм.

Вот только нет более действенного лекарства от душевной боли, лучшего бальзама для разбитого сердца, чем то, что я сейчас варю у себя в мастерской.

Время все лечит. Но когда времени нет, сгодится колдовство.

Я снимаю с полки три банки из цветного стекла, а потом

собираю в саду свежие ингредиенты. Закончив с этим, я не спеша выбираю самый подходящий для моих целей рецепт. Тот, на котором я останавливаюсь, очень старый, так что я осторожно вынимаю его из неглубокого ящика комода и переносу на дубовый ритуальный стол, который принадлежал еще моей бабке. Я осторожно разворачиваю фетровую подложку и придавливаю углы бумаги со схемой ритуала бронзовыми гирьками, чтобы она лежала ровно.

Погружаясь в приготовление, я чувствую, как шея и плечи расслабляются и душа успокаивается – впервые с той ночи у Бриджит. Я взвешиваю корень валерианы на аптекарских весах, а потом расплющиваю кусочки плоской стороной серебряного ножа. Эйра трется мне о ноги, мяукает. Она знает, что я работаю.

Эти ритмы пришли из древности. В период Ренессанса это называли *Veteris Opus*: Древнее Ремесло. И люди всегда были охочи до ведьмовских обрядов. Едва нас прекратили гнать и преследовать, как Освободительная война снова подкинула нам работы. Генералам требовалось, чтобы ядра летели точно, солдаты жаждали получить талисманы на удачу, а девицы умоляли о чарах верности. В Гражданскую войну было то же самое. И во Вьетнамскую, как мне рассказывала бабушка. Ведьмы отлично зарабатывают на войне.

И душевная боль нам на руку.

Пока я нарезаю, толку и произношу заклинания, я добавляю в рецепт любовь к Харпер и Эбигейл.

Я смешиваю порцию спокойствия с настойкой разбитого сердца: стандартное сочетание. А еще я добавлю чайную розу и душистый горошек: первое для памяти, второе – чтобы ушли боль и горе, а человек мог простить. Я хочу, чтобы они обе лелеяли свои воспоминания о Дэниеле, но также оставили позади эту ужасную потерю. Для чего требуется последний ингредиент.

Я достаю ключ, который постоянно висит у меня на шее. Верхняя часть моего шкафчика – это картотека клиентов, которую я веду так же кропотливо, как любой терапевт или психиатр: в эти дни мы связаны одинаковыми законами о неразглашении информации. Нижняя часть отведена под архив. Он тоже собран в алфавитном порядке, а внутри каждой папки с этикеткой – маленький герметично запечатанный пакетик.

Его содержимое неизменно отдается добровольно. Это обязательное условие действенного колдовства. Мы, ведьмы, знали об обязательном согласии задолго до того, как о нем начали рассказывать на уроках сексуального образования. Однако никто никогда не спрашивает, что происходит с... тем, что осталось после ритуала.

Здесь все те, для кого я когда-либо колдовала.

В папке с надписью «УИТМЕН, Дэниел» лежат два пакетика. В обоих волосы: два оттенка белокурых, одна прядь темнее и грубее другой. Более старую и светлую давно надо было выбросить. Я тру между пальцев содержимое гер-

метично запечатанного пакетика: волосы там шелковистые и тонкие. Я сожгу их, когда Дэниела похоронят.

Но не сегодня. Я возвращаю пакетик на место, а второй несу к столу. Я срезала его содержимое в прошлый игровой сезон, когда Дэниел получил травму связок и рвался вернуться на поле. Настолько сильно рвался, чтобы обратился ко мне, а не только к физиотерапевту команды и специалисту по спортивной медицине, работу которых покрывала отцовская страховка.

Я вскрываю пакетик серебряными ножницами и выкладываю на стол семь волосков. В рецепте говорится, что надо еще немного подождать, прежде чем их добавить.

Кончики пальцев покалывает, когда я веду ими по вписанным друг в друга и переплетенным кругам, треугольникам, пентаграммам и гексаграммам. По спиралям, начерченным символам и подразделам с буквами и числами. На них и творится магия. Эти диаграммы – живое воплощение колдовства.

Пусть эти схемы и выглядят загадочно, но на самом деле это просто карты. Карты со множеством поворотов и развилок. Волшебство – это искусство выбора наилучшей дороги туда, где вы хотите очутиться. Как и в жизни, место, где вы окажетесь – это результат сделанного вами выбора.

Когда Харпер была маленькая, она сидела рядом, рисовала и раскрашивала, пока я работала. Время от времени она поднимала свою темную головку и серьезно спрашивала, что

я делаю. Однако я видела, что она толком не понимает моих объяснений. До того дня, когда я взяла фломастер, которым она рисовала – всегда невероятно талантливо – и сказала: «Ингредиенты и предметы – это твои чернила. Карты и символы – твоя бумага. А магия – это рисунок, который у тебя получается».

Никогда не забуду, как широко она улыбнулась.

Харпер не терпелось стать ведьмой. А мне не терпелось учить ее – как меня учила моя бабушка. Каждый жест и магическая формула соответствуют символу или букве. Обрывки арамейского, египетского и других языков – настолько древних, что они исчезли с лица земли. Сложные движения и знаки пальцами, которые мне приходилось долго отрабатывать. Если я делала ошибку, бабуля била меня линейкой по ноге – не по пальцам или кисти, потому что руки нужны были в работе. Бабуля была мне не просто бабушкой. Она была моей матерью в колдовском искусстве. Каждой ведьме нужна такая. Тропы, которыми мы ходим, слишком опасны, чтобы ступать на них в одиночку.

– Когда-нибудь ты будешь ее учить, – сказала мне бабуля, когда родилась Харпер.

Мы обе любовались ее ясными невинными глазенками и пухленькими ручками и ножками. Моя бабушка не дожидаясь до тринадцатого дня рождения Харпер и не узнала, что ее правнучка – никакая не ведьма.

Стук в заднюю дверь вытаскивает меня из воспоминаний.

Прежде всего я проверяю зелье. Я не пропустила ни шага, но песочные часы говорят мне, что скоро настанет время до-бавлять волосы.

Наверное, это пришла Бриджит. Только у нее есть ключи и амулет, который пропустил бы ее через защитные чары. У нее будут новости об Эбигейл. Мы втроем составили расписание визитов: этим утром Бриджит, днем – Джулия, а я – вечером, когда закончу работу и привезу Харпер из больницы.

Бриджит придется подождать на крыльце, пока я не закончу.

Но дверь трясется – а потом распахивается. Я поворачиваюсь, собираясь отругать подругу... но это не Бриджит.

– Господи, ма. Варишь?

Голос у нее хриплый, словно она полоскала горло горячими углями. Ее что – просто взяли и выпустили из больницы?

Я тянусь ее обнять, но она увертывается изящным движением. Она делает так все чаще, и хоть я и понимаю, что это просто подростковый период, это все равно меня ранит.

– Почти закончила, – говорю я. – Еще чуть-чуть. Ты как?

Я указываю на кресло, которое занимают мои клиенты во время консультаций. В какой-то момент своей жизни тут бывал почти каждый житель города. Однако Харпер игнорирует приглашение. Она обходит ритуальный стол и смотрит на рецепт.

Однако ее внимание надолго не задерживается. Ее дет-

ский интерес к колдовству однажды просто исчез. Не помню, когда именно, но это случилось до ее тринадцатилетия. Когда я в тот день провела Обряд Определения и обнаружила, что у нее нет дара, это меня чуть не сломало. Я ужасно боялась, что ее это уничтожит.

Но она справилась. Казалось, она была почти рада. И потом, оглядываясь назад, я поняла, что потеря интереса к моей работе была связана с тем, что Харпер уже ощутила отсутствие дара. Она заставила себя прекратить любить то, что ей недоступно. Конечно, нам всем когда-то приходится так делать, но мне ужасно больно, что моей малышке пришлось научиться этому так рано.

– А это что за хрень?

Она увидела пакетик с волосами Дэниела.

– Следи за языком, Харпер!

– Что ты делаешь с волосами парня, который умер два дня назад? Его смерть расследуют копы! Ты хоть представляешь, насколько подозрительно это выглядит? Одна приходила в больницу поговорить со мной.

Коп допрашивала Харпер? Это надо обсудить. Но сначала ей надо успокоиться. Она уже начала повышать голос, а врачи предупредили, что крики и перегрузка могут привести к серьезным повреждениям. Я, наверное, смогла бы это поправить, но будет лучше, если она вообще не пострадает. Мои пальцы складываются в слабый знак умиротворения, который я обычно использую для кусачих собак и злобных

работников парковок, но она это замечает.

– Не лепи на меня это дерьмо, мам.

– Харпер, не надо. Это зелье безобидное. Я просто... оно для тебя.

– Для меня? – она заглядывает в чугунный котелок. – Фу, воняет!

Запах горя. Даже те, кто ничего не знает о магии, могут определить, зачем оно. Зелья, дающие любовь, радость или счастье медово-сладкие. Зелья от горя, печали и отчаяния вонючие и горькие на вкус. Зелья против вспышек ярости и жажды мести почти невыносимо мерзкие.

– Оно поможет тебе и Эбигейл. Оно утешает. Просто классический напиток для успокоения с добавкой от разбитого сердца.

В песочных часах проваливается вниз последняя песчинка, и я тянусь за семью отсчитанными волосками. Я бросаю их один за другим, и каждый раз мои пальцы показывают новый знак. Символ тут – древнегреческий. Слова, которые я произношу – это фрагменты прощальной песни: кто-то стоит на берегу реки подземного царства, глядя, как ладья увозит любимого человека.

Сердце у меня ноет. Я тоже прощаюсь с Дэниелом. Он стал частью моей жизни еще до своего рождения, когда мы с Эбигейл познакомились в группе дородовой подготовки. Они с Харпер росли рядом, а Иззи ковыляла за ними – всего на год младше. Он ночевал у меня дома. Завтракал у меня

на кухне. Всего два дня назад мы поднимали бокалы за его светлое будущее. И вот его нет.

Готово. Руки безвольно падают, и я чувствую себя опустошенной. Я как спортсмен: мое тело – это моя работа, и такое сложное зелье оставляет меня выжатой. Вот почему у нас, ведьм, есть ковены: ассистенты-немаги, которые делятся с нами энергией.

Харпер наблюдала. Вот только это было не жадное любопытство из ее детства. Не могу понять, что она чувствует. Не хочу понимать. Нечто очень похожее на презрение. Я иногда вижу это в ней, и это глубоко меня ранит. Как будто привыкая не любить магию, она стала ее презирать.

От зелья поднимается легкий туман. Испаряющаяся горечь плывет между нами.

– Ему надо остыть. Оно поможет тебе смириться с тем, что случилось с Дэниелом, чтобы ты смогла начать без него обходиться.

– Обходиться без него? Господи! Кто бы сварил мне эликсир забвения, чтобы я забыла, что он вообще существовал!

Я смотрю на дочь, сила ее горя меня поражает. Я даже не догадывалась, насколько ей нужно это зелье.

– Оно будет готово вечером, – говорю я ей.

– Ну, а меня вечером здесь не будет. Я уеду отсюда на пару дней, подальше от всего этого. Я зашла тебя предупредить.

– Из Санктуария? Что? Подожди...

Я хочу ее обнять, сказать, что бегством от боли не спа-

стись, но она снова уворачивается. Дверь с шумом за ней захлопывается, и я остаюсь одна.

8

Мэгги

Не всем приемам учат в академии: многим ты учишься еще в старших классах. И один из них заключается в том, что, когда девочка не хочет с тобой говорить, за нее с тобой может побеседовать ее лучшая подруга. По словам присутствовавших на вечеринке, таким «переговорщиком» оказалась некая Беатриз Гарсия по прозвищу «Королева Беа».

– Чем могу вам помочь?

Дом Гарсия – стеклянное творение той архитектурной школы пятидесятых годов, которая в этих местах нафиг испортила цены на недвижимость, сделав ее недоступной для всех нормальных людей. Беа открывает входную дверь с видом президента студенческого сообщества, видящего незваного гостя на клубном вечере. На ней мешковатый свитер с монограммой, косметика наложена безупречно, хоть и не может скрыть припухшие веки. Из рта торчит палочка леденца, в руке – телефон и... под мышкой учебник криминалистики?

– Готовились к моему визиту? – Я указываю на книгу.

Это шутка, но Беатриз остается невозмутимой. Я пыталась ее немного успокоить. Она потеряла одноклассника и друга детства, а теперь у нее на пороге стоит коп. Но, может, Беа не понимает шуток. А может, просто получилось не так уж и смешно.

– Обязательная литература. Я осенью уезжаю в Коуден: политология и подготовительный курс юрфака. Подождите здесь, пожалуйста.

Она разворачивается и орет:

– Ма!

Стены и полы тут из бетона, так что ее голос отражается эхом.

– Вообще-то я пришла к вам. Я следователь по делу о смерти Дэниела Уитмена.

Она лишь скашивает глаза, будто я настолько ее не впечатлила, что не заслуживаю полноценного фейспалма.

– Конечно. Но я бы хотела, чтобы моя мама присутствовала, если вы не против. Случившееся меня потрясло, и я не хотела бы сказать что-то такое, от чего у кого-то возникнут проблемы.

Когда Беатриз говорит «у кого-то», мой коповский мозг слышит «у меня». Тем не менее это вполне уместное пожелание. И она собирается изучать юриспруденцию. Я как-то наблюдала у подростка истерику из-за штрафа за парковку: он решил, что это лишит его перспектив в юриспруденции.

Джулия Гарсия выходит к дочери. Она одета так, словно

ходила вместе с Эбигейл Уитмен по «Саксу» и говорила: «А в черном цвете такое есть?» каждый раз, когда ее подруга что-то покупала. Она поднимает очки на лоб и рассматривает меня.

– Агент.

Без очков ее лицо кажется... знакомым? У меня было такое же ощущение, когда в отделение заявила Эбигейл Уитмен со своей подругой Бриджит, но тогда я решила, что просто видела снимки семейства Уитмен. Но фотографий этой женщины я не видела.

– Агент?

– Извините, миссис Гарсия. У меня просто ужасно странное чувство, будто я раньше вас где-то видела.

– Ну, кажется, Тэд Болт говорил Эбигейл, что несколько лет назад вы здесь работали. Санктуарий такой маленький город, что, конечно же, мы должны были неоднократно пересекаться у...

Она отбрасывает эту мысль, поскольку, как и я, не может придумать ни единого места, где мы могли бы встречаться. Говор у нее с восточного побережья, но сглажен многими годами жизни на западе.

– Я могу войти?

– Я рада быть полезной, агент, но можно как-то побыстрее? Вы можете себе представить, каким потрясением это стало для всех нас. Дэн был первым, с кем Беа подружилась в пятом классе, когда мы переехали сюда из Сан-Диего, а я

очень сблизилась с его мамой, Эбигейл. По правде говоря, мне скоро надо будет пойти ее проводить: мы не хотим надолго оставлять ее одну.

Я неопределенно киваю. Разговор будет настолько коротким или долгим, насколько потребуется.

Пока Джулия заваривает нам ароматный японский чай, я веду с Беатриз светский разговор. Выясняется, что, хотя ее папа-архитектор и мама-технический иллюстратор – люди «творческие» (это подчеркивается нарисованными в воздухе кавычками), Беатриз хочет «внести свой вклад» в успешной конторе по корпоративному праву. Половиной мозга я слушаю, а половиной – рассматриваю ошеломляющий интерьер дома.

В гостиной одна стена стеклянная, и выходит она не столько на задний двор, сколько на настоящую березовую рощу. Стены покрыты фотографиями и гравюрами, включая две слащавые свадебные фотографии Джулии и ее мужа на самом видном месте. Скользя по ним взглядом, я зацепляюсь за еще одну работу. Под предлогом похода в туалет я рассматриваю ее внимательнее.

Это колдовская схема.

– Чудесная, правда?

Джулия возникает у меня за спиной с подносом.

– Это похоже на...

– Схему чар? Да. Но, конечно, это не она.

– Да?

– Да. Можно сказать, что она «по мотивам». Сара Фенн – моя близкая подруга. Вы явно знаете, что наши дочери дружат... или дружили. Как художник, я нахожу Сарины схемы интересными и красивыми, и она разрешает мне кое-что копировать. У меня в доме есть еще несколько. Однако только ведьма может создать схему, которая будет иметь магические свойства.

Мне ужасно хочется расспросить побольше, но в том, что она сказала, отношение к расследованию имеет только одно слово.

– «Дружили»? Беатриз с Харпер поссорились?

Она напряженно улыбается.

– Вы же знаете, как это бывает у подростков, агент. Драмы каждую неделю. А с этой парочкой, увы, это было неизбежно. Харпер умненькая, но... сама не знает, чего хочет. Беатриз всегда очень серьезно относилась к учебе. Она твердо намерена поступить в аспирантуру Гарвардского юрфака.

Глядя на дочь, Джулия светится от гордости. У девушки на коленях лежит открытый учебник, который она читает, вроде бы не обращая внимания на наш разговор. Она гоняет леденец по рту, перелистывает страницы и сжимает в руке телефон. Беатриз Гарсия занимается сразу несколькими делами, словно гендиректор.

Значит, между нею и Харпер произошла ссора? Видимо, это случилось совсем недавно, раз в школе их по-прежнему считают лучшими подругами. Но это хоть отдаленно связано

со смертью Дэна?

Я излагаю свою дежурную версию: веду рутинное расследование, интересуют любые нарушения закона на вечеринке, и т. д. Беатрикс наблюдает за мной поверх пиалы, несомненно вылепленной каким-то столетним ремесленником в Киото.

– Я уже разговаривала с копом, – заявляет она, когда я заканчиваю. – Мне действительно нужно через все это еще раз проходить? Говорить об этом трудно, а у меня выпускные экзамены и...

– Местный полицейский действительно опросил многих присутствовавших, это так. Но вашей дружбе с Дэниелом и его девушкой Харпер уже много лет. И ваши матери тоже дружат, верно? Так что я надеюсь, что вы сможете...

– Вам нужно расспросить Джейка. Он лучший друг Дэна. Любит крутиться рядом.

Тон у Беа нейтральный, но губы презрительно кривятся.

– Джейкоба Болта? Так он был на вечеринке с Дэном? Вы их видели?

– Наверное. Я с ними мало пересекалась.

– Да?

– Вечеринка удалась. Была куча народу, мне было с кем поговорить.

– Было два происшествия: падение Дэна и пожар. Вы можете рассказать мне что-то о каком-то из них?

– Извините, агент, но нет. Я спустилась вниз за газировкой, когда это случилось. На самом деле я почти все время

была внизу. Там не так шумно.

Она держится уверенно, эта умница, вот только в ее глазах мелькает что-то, словно ей хотелось бы зажмуриться.

Словно ей хотелось бы что-то развидеть.

О чем она мне не рассказывает?

У меня трещит рация. Вот уж невовремя! Я извиняюсь и уменьшаю громкость, но рация не унимается, и среди повторов моей фамилии я слышу «срочно». Я прошу прощения и выхожу из комнаты, чтобы ответить.

– Надеюсь, что-то серьезное.

– Поверьте, вам это надо услышать.

Я узнаю голос Мерзкого Копы, но в его голосе есть что-то. Он, похоже, взволнован. Может, даже... испуган?

– У шефа для вас в участке свидетель. Говорит, что на вечеринке Дэна Уитмена убили, и у него есть доказательства. Он знает, кто это сделал.

Господи! Мое дело с выпившими несовершеннолетними и смертью в результате несчастного случая неожиданно стало гораздо серьезнее.

– Псих или заслуживает серьезного отношения?

И когда дежурный отвечает, мне становится понятно, почему он так встревожился.

– Определенно не псих. Это Джейк Болт. Сын шефа.

9

Мэгги

Тэд Болт ловит меня прямо на пороге участка. Я не видела его с тех пор, как он встретил меня у выгоревшей виллы «Вояж». После этого он отправился домой, чтобы побыть с сыном.

И оказалось, что у сына была для него плохая новость.

Новость, которая все меняет.

– Убийство? – говорю я. – Посреди людной вечеринки? Свидетелей были десятки, тогда почему никто об этом не упоминал? Вы сами мне сказали, что считаете это несчастным случаем. Пожар, паника, падение. Легче легкого. И что изменилось?

– Изменилось то, что Джейкоб в достаточной мере оправился от травмы, чтобы рассказать мне правду о произошедшем.

– Но убийство? Это серьезное обвинение. А что, если он не то что не оправился, а почувствовал себя еще хуже, и это его травма дает о себе знать?

Мы закрылись в кабинете шефа и остались вдвоем. Гро-

мадная фигура Болта заняла половину комнаты, глаза на мясистом лице зоркие и блестящие. Он может показаться... нет, кажется пугающим. Но я уже не новичок, которого гоняют за кофе. Я следователь штата – и не отступлю.

– Я тут чужая, но даже мне видно, что эта смерть больно ударила по Санктуарию. И ваш сын, как лучший друг Дэна, должен по-настоящему страдать. Но вы объяснили ему, что будет означать подобное обвинение?

– Мы целые сутки больше ни о чем не могли говорить, только об этом. Мне надо было убедиться, что он понимает, что за этим последует. Что это будет означать для мамы и папы Дэна. Для всего города. А когда я делал перерыв в разговорах с ним, Мэри-Энн с ним молилась. Джейки считает, что это его долг. И у него есть доказательства.

Доказательства?

Тогда обвинение Джейкоба определенно не является порожденной горем фантазией паренька, лишившегося лучшего друга. Однако я все еще не могла это переварить. Выглядит все как несчастный случай. Я не исключала возможности самоубийства.

– Но убийство? – говорю я вслух.

Болт мрачно кивает.

– Я сказал Джейки, что он должен быть абсолютно уверен. Тогда он мне кое-что показал, и я больше не мог с ним спорить.

Полицейский протокол: Джейкоб Болт

Опрашивающий следователь: агент Найт, Маргарет

Присутствует: Болт, Тэддеус (отец)

А. Найт: Начинаем опрос Джейкоба Пола Болта. В качестве опекуна присутствует Тэддеус Болт, отец опрашиваемого. Опрашиваемый добровольно вызвался дать показания. Джейкоб, вы можете подтвердить, что все это верно?

Болт: Все верно, мэм.

А. Найт: Спасибо, Джейкоб. Итак, вы здесь в связи с тем, чему стали свидетелем на вечеринке, состоявшейся три дня назад. Там умер Дэниел Уитмен. Можете рассказать мне, что именно вы видели?

Болт: Она его убила. Я видел, как эта сука его убила.

А. Найт: О ком вы говорите, Джейкоб?

Болт: О Харпер. Харпер, блядской Фенн.

Родитель: Джейкоб...

А. Найт: И вы это видели?

Болт: Я был рядом с ней, когда она это сделала.

А. Найт: Значит, вы были с Дэниелом...

Болт: Не с Дэниелом. С Харпер.

А. Найт: С Харпер. Так. И где вы оба находились?

Болт: Внизу, у лестницы.

А. Найт: А Дэниел был?..

Болт: На площадке.

А. Найт: Площадка – это именно то место, с которого упал Дэниел. Но если вы с Харпер были внизу, тогда как...

Болт: Колдовство. Она убила его колдовством.

[Описываемое видео содержится в оцифрованной базе дела]

А. Найт: Я сейчас смотрю видео с мобильного телефона, которое, по вашим словам, вы сделали на вечеринке. Вы дадите согласие на то, чтобы его исследовал наш аналитик?

Болт: Да.

А. Найт: Спасибо, Джейкоб. Итак, мы видим увеличенное изображение Харпер Фенн. Похоже, вы находились всего в одном шаге от нее. Это так?

Болт: Так.

А. Найт: И почему вы в этот момент начали снимать Харпер?

Болт: Потому что она только что его увидела. Я решил, что стоит заснять ее реакцию.

А. Найт: А «его» – это...?

Болт: Какой-то грязный ролик. Они с Дэном на другой вечеринке за несколько недель до этого. Смотрите, сейчас ку-

сочек увидите.

А. Найт: Изображение не очень ясное, но вы навели свой телефон на проекцию на стене, на которой парень и девушка занимаются сексом.

Болт: Угу.

А. Найт: И мы снова возвращаемся к Харпер. Она говорит, но ее слов не слышно. Похоже, она указывает на то изображение.

Болт: Да, она пришла в ярость.

А. Найт: Из-за видео?

Болт: Смотрите дальше. Сейчас. Вы ее увидите...

А. Найт: Харпер по-прежнему кричит. Жестикулирует. Она осматривается, как будто ищет кого-то или что-то, а потом снова смотрит на картинку. Она вроде как... заламывает руки? А теперь... а!

Болт: Это он. Господи!

А. Найт: Теперь все кричат. Угол съемки изменился, и мы видим Дэниела Уитмена на полу в центре холла, по-видимому, после падения через перила лестницы. Экран потемнел. Харпер от вас отошла, и появился дым. Полагаю, мы сейчас слышим ваш голос?

Болт: Угу. Я...

А. Найт: Вы зовете его по имени. «Дэн. Дэн». Верно?

Болт: Да. Господи. Извините, мы можем прерваться?

С. Найт: Стенограмма прерывается.

Болт: Я бросился ему помогать.

А. Найт: Дэниелу Уитмену?

Болт: Он был мертвый. Он уже умер. Эта блядская сука.

[Неразборчиво. Плачет]

Родитель: Мы на этом закончим. Моему сыну нужна передышка. Везу его домой. Лаборант уже сделал копию этой съемки.

А. Найт: Мне нужно это устройство для про...

Родитель: Мой сын потерял лучшего друга. Они с ребятами связываются друг с другом по этому телефону. Черта с два вы заберете его мобильник. Пошли, приятель. И вот что, Мэгз...

А. Найт: Да?

Родитель: Джейки только что дал тебе все, что нужно. Не запори все.

[Опрос окончен]

11

Эбигейл

Джулия заходила ненадолго. Сказала, что приходила та агент, задавала вопросы. Опять копает.

Потом заглянула Сара. Она что-то мне принесла. Лапочка. Она помогает, когда одна из нас страдает. На этикетке написано «Успокой сердце». Она пообещала, что это поможет, и проследила, чтобы я приняла первую дозу.

Ничто мне не поможет.

Но я и правда почувствовала облегчение. Стала спокойнее. Когда утром меня нашла Бриджит, я была совсем никакая. Я пережила этот день, спасибо подругам. Но теперь я одна, и воспоминания, которые прежде так меня радовали, сейчас слишком плотно меня окружили, голодные и яростные. Только зелье Сары их сдерживает.

Позвонить Майклу? Попытаться еще раз сказать ему, что мне он нужен больше, чем факультету? Но для Майкла работа – это все. И винить я могу только себя.

Мужа нет. Сына нет.

Трясущимися руками я тянусь за пузырьком с зельем, а

потом откидываюсь на спинку дивана, окутанная нежным чувством. Сара влила в зелье свою любовь, утешила меня. Тяжесть в груди исчезает, я начинаю дышать глубоко и ровно. «Успокой сердце».

А потом меня внезапно будит громкий стук в дверь.

– Извини за вторжение, Эбигейл, – говорит Тэд Болт.

Он стоит на пороге с Джейком. Сальные волосы и темные мешки под глазами у паренька говорят мне, что он тоже в аду. Во мне поднимается чувство – несмотря на успокаивающее зелье Сары – для которого у меня нет названия. Мне обнять Джейкоба, чтобы мы поплакали над общей потерей? Или плюнуть в него за то, что он вышел из того горящего здания живым, без моего сына?

Мне это не по силам. Я начинаю закрывать дверь, но Тэд просовывает в нее ногу.

– Джейкоб только что сделал заявление в полиции. Мы решили, что вам с Майклом надо узнать об этом первыми.

Вот оно как. И о чем это наябедничал Джейк? Мне казалось, он Дэна любит. Я в нерешительности застываю, но потом впускаю их в дом. Лучше услышать и узнать.

Но сказанное Джейком кажется бессмыслицей.

– Харпер? Они встречались!

– В последние недели – нет. Он бросил ее после того, как она показала себя настоящей б... Видео каким-то образом показали на вечеринке. Харпер была в ярости. Она уже давно бесилась, а это стало последней каплей. Наверное, решила,

что его запустил Дэн... Не знаю. Она была жуткая.

Джейк поддерживает футболку, чтобы вытереть сопли под носом. Я отвожу взгляд, чтобы при виде него снова не провалиться во тьму. Надо не терять голову и разобраться. Я слышала про то грязное видео – о нем спрашивала и журналистка, и коп. Значит, оно действительно было. И... Харпер убила Дэна из-за него?

Дочь моей подруги *убила моего сына?*

Я не обрадовалась, когда Дэн начал встречаться с Харпер. Она привлекательная, но в невестки не годится. Весь ведьмовской народ такой. Им свойственно быть немного... распушенными. Сара говорит, что ведьмы с рождения способны дарить больше любви, чем обычные люди. Однако я никогда не делала из этого проблемы. Школьные романы всегда заканчиваются ничем, а у Дэна хватало более подходящих поклонниц: Беатриз никогда не скрывала, что он ей очень нравится.

Беа ему больше подходила. Харпер странная и непокорная, вечно исчезает куда-то на уикенды. Знаю, что Дэн из-за этого бесился, потому что она не ходила на его игры и не болела за него, как положено подружке – и они из-за этого ссорились.

Но чтобы их отношения так испортились, чтобы она его *убила?* Это немыслимо.

– Хочешь сказать, они ссорились и это был несчастный случай? Она... дала ему оплеуху? Или его толкнула? И он

упал...

Джейк качает головой. Отец его подталкивает.

– Скажи ей, сын. Она имеет право знать.

– Это было намеренно, – говорит Джейк. – Она убила его колдовством.

Я выдыхаю и сажусь прямо. Потому что Джейкоб ошибся.

– Ты же знаешь, что этого не могло быть, – как ни странно, эти слова не приносят облегчения – и я осознаю, как сильно мне хочется получить объяснение того, что случилось с моим мальчиком. Но *такое* объяснение мне не нужно. – У Харпер нет дара.

Это – огромное огорчение для Сары. Мамам всегда кажется, что они не заслужили своих детей. Мы считаем, что очень часто подводили их. Джулия сомневается, следовало ли ей забирать семью из Калифорнии. Бриджит тревожится, что робость Изабель вызвана ее разрывом с отцом Иззи. Я знаю, в чем ошиблась я – и с тех пор гадаю, что бы я выбрала, если бы Альберто не принял решение за меня.

А вот у Сары никогда не было выбора, и мы все ей это твердили. Это просто невезение. У Сариной матери дара тоже не было. Он часто приходит через поколение. И Харпер дар не достался.

Джейк вытаскивает из кармана телефон.

– Должен предупредить, – говорит он хрипло. – Вы увидите, как Дэн...

Кажется, я не готова. Мне нужна поддержка. Я снова беру

пузырек с зельем и делаю глоток. Шеф полиции смотрит на меня с любопытством.

– Это зелье? От Сары?

– Занесла мне сегодня вечером.

– Ясно. И помогает?

– Да. Я немного отстраняюсь. Становлюсь спокойнее.

Болт хмурится.

– Спокойнее, да? Ну, не хочу забегать вперед, Эбигейл.

Но когда вы это увидите, вы, наверное, спросите себя, почему Саре Фенн понадобилось, чтобы вы были спокойная и отстраненная.

Он что, серьезно?

Джейкоб нажимает значок «просмотреть». Экран заполняет Харпер, но я не обращаю внимания. Я хочу видеть только одно: моего сына. А потом вижу. Я вижу его тело на полу, слышу крики ребят. Клубится дым, и все бегут прочь, оставив его позади. Джейк тоже убежал?

– Вы это видели? – говорит шеф. – Что она делала руками? Я знаю, что вы у Сары в ковене: вы ведь опознаете эти ведьмовские штучки, да?

– Я не видела. Я только... Пожалуйста, покажите мне еще раз.

И я вижу. Руки Харпер в воздухе. Я достаточно часто наблюдала, как Сара на наших встречах делала ведьмовские знаки – когда мы, три подруги, давали ей свои силы, а она использовала свой дар.

Это... магия. Несмотря на то, что Сара нам говорила, Харпер творит магию.

Девушка делает какие-то жесты руками. А потом мой сын лежит мертвый на полу.

Я трясую головой. Не могу поверить.

Сара лгала мне – всем нам – все эти годы. Она держала дар дочери в тайне.

Когда я наклоняюсь к Джейку, то ощущаю запах его лосьона – такого же, каким пользовался Дэн. Я содрогаюсь, чувствую тошноту, но прикасаюсь к экрану его телефона и включаю просмотр. И еще раз. И еще. Я хочу, чтобы это впечаталось мне в память.

Мой сын бросил изменившую ему подружку, а она за это его *убила*.

А женщина, которую я считала одной из своих лучших подруг... которая так сильно повлияла на мою жизнь и помогла мне устроить ее так, как мне хотелось... или мне казалось, что хотелось. Она знала, что ее дочь способна на такое – и никому не сказала.

Сара! Как ты могла?

Я хватаю пузырек с зельем и швыряю его. Он разбивается о белую стену – и по ней течет что-то густое и горько-сладкое. Я тяжело и хрипло дышу, сердце у меня колотится.

Как оно может успокоиться, зная, что Дэниела убили?

12

Мэгги

Закат и леденцовые полосы облаков раскрашивают небо, а у меня на навигаторе появляется пролив Лонг-Айленд.

Отсюда совсем недалеко до фешенебельного района Шор-роуд, где стоят руины виллы «Вояж». Ближе ко мне – группа более скромных домов. Тут когда-то жили рыбаки, рабочие лодочных мастерских и, возможно, несколько контрабандистов. А вот цены на них сейчас далеко не скромные – из-за старинной кровельной дранки и окрашенных кремовой краской наличников.

В одном из них я надеюсь найти ответы.

Мне нужно задать массу вопросов, но прежде всего – узнать, действительно ли Харпер Фенн – ведьма, и какими на самом деле были их с Дэниэлом отношения.

Навигатор командирским тоном объявляет о прибытии на место, и я паркуюсь. Домик выглядит мило. В небольших окошках выставлены сушеные морские звезды. Ярко-розовый буй подвешен к дереву перед домом в качестве детских качелей. Эмалированный почтовый ящик украшен птичка-

ми и цветами, а имя семейства выведено красивым курсивом: «Перелли-Ли». Надпись явно новая.

Надпись новая. В этот момент я понимаю, что уже была здесь, когда служила в Санктуарии.

Я смотрю на дом, дожидаясь от памяти подсказки. Тогда тут не было заборчика. И на подъездной дорожке не могло стоять вот это спортивное авто. Оно кажется почти новым – и невероятно дорогим. Однако ничего определенного не всплывает.

Я стучу в дверь. Открывшая мне девчонка изумлена видом копа – или, может, просто таким же темнокожим лицом, как у нее. Таких, как мы, в Санктуарии немного.

– Я чем-то могу вам помочь? – спрашивает Изабель Перелли, чуть запинаясь.

Она славненькая. На ней очки с толстыми стеклами и мешковатая пижама, но у нее лицо сердечком, как у ее мамы – и, оказывается, я помню ее папу, красавчика, который по мелочам нарушал правила движения в два раза чаще, чем белые жители городка. Вид у Иззи довольно юный. Трудно поверить, что она всего на год младше Харпер, Джейка, Бетрикс и остальных.

– Я пришла поговорить с твоей мачехой, директором школы Ли. Она дома?

– Дальше я сама, Иззи, – говорит кто-то. – Почему бы тебе не вернуться в постель? Я не знала, что ты внизу.

Девчонка явно чувствует облегчение:

– Я просто пришла за стаканом воды, Черил.

Ее мачеха появляется в прихожей. Черил Ли держит на руках кошку в пластиковом ветеринарном воротнике. Она со страдальческим вздохом опускает животное на пол, но с неподдельной тревогой во взгляде притягивает девочку к себе и прижимает тыльную сторону кисти ей ко лбу.

– Лапочка, я рада видеть, что ты уже встаешь, но не переутомляйся. Твоя мама опять пекла печенье: пойд и возьми штучку. Но только одно, поняла?

Девочка послушно кивает и бежит на кухню.

– Она больна? – спрашиваю я.

– Уже несколько недель. Мононуклеоз. Время от времени у нас бывает вспышка: сейчас болеют трое. Знаете, что его называют болезнью поцелуев? Ну, а бедняжка Иззи заболела, ни с кем не целуясь.

Черил ведет меня в уютную гостиную, бесцеремонно спихивает еще двух кошек с застеленного покрывалом дивана и предлагает мне сесть.

– Извините, что у нас тут всюду кошки. Не знаю, как это Бриджит могла не догадываться, что она лесбиянка. У нас их тут на целый ковен.

Она морщится – не могу понять, из-за кошек или из-за колдовства.

– Вашей жены нет дома?

– Она пошла к Саре поговорить об Эбигейл. Мы все очень встревожены, а Майкл Уитмен очень некстати решил, что

сейчас самое время уехать в университет. Но по телефону вы сказали, что хотите поговорить о ком-то из моих учеников? У меня есть условие. Вы разговариваете с Черил Перелли-Ли, жительницей Санктуария и мачехой, о тех ребятах, которых я знаю, а не спрашиваете директора школы Ли относительно учащихся. Это ясно?

Я киваю. Господи, вот это кремень! Еще немного – и она заставит меня признаться, что это я в раздевалке залила суперклеем дверь шкафчика главного задиры нашего класса.

– Отлично. Как вы понимаете, у меня полная школа шокированных ребят, и я весь уикенд искала лучших психотерапевтов для консультаций. Чем скорее мы разберемся со случившимся, тем лучше для моих учеников. Так что спрашивайте.

И я спрашиваю. Ее ответы продуманы, и я ясно вижу, что несмотря на кажущуюся резкость директор Черил Ли глубоко равнодушна к своим подопечным.

Я начинаю с Джейка. Раз уж он пожелал стать главным свидетелем, мне надо выяснить, насколько он заслуживает доверия. Насколько он надежен. По словам Черил, он парень уравновешенный. Хорошо себя ведет (неудивительно, ведь его отец – шеф полиции), но преувеличенно вежлив с девочками – настолько, что вызывает скорее презрение, чем одобрение. Учится средне и, в результате, скорее всего пойдет по стопам отца – в правоохранительные органы.

– Я не хочу сказать... – опоминается Черил.

– Конечно, – откликаюсь я. – Насколько он был дружен с Дэниелом Уитменом?

– Зависит от того, спросите ли вы об этом у Джейка или еще у кого-то.

– То есть?

Черил вздыхает.

– Джейк не особо спортивный, не пользуется популярностью, не считается красивым. Ну, вы поняли. А у Дэниела все это было. Джейк вроде как надеялся, что, держась рядом с ним, станет таким как он. Можете себе представить, что об этом думали в школе.

Я морщусь.

– Дэна это не смущало?

– Нисколько. Скорее уж, он это поощрял. Может, находил это забавным. А может, видел в этом очередное доказательство своего превосходства.

– А как насчет Харпер?

– Непростая молодая особа. Умная, но не прилежная, – отвечает Черил. Это перекликается с тем, что я услышала от Джулии Гарсия. – На мой взгляд, ее жизнь исковеркана тем, что ей не удалось пойти по стопам матери.

– Вы имеете в виду отсутствие у нее магических способностей?

Черил кивает.

– А у нее точно нет...

– На личном деле Харпер нет пометки «ПМ».

В соответствии с федеральным законом, все потенциальные маги – то есть ведьмы – обязаны зарегистрироваться в этом качестве к восемнадцати годам. Я уже справилась по базе данных относительно Харпер Фенн. Ее там нет – но, как выяснилось, она самая младшая в классе, и восемнадцать ей исполнится только летом.

Когда я напоминаю об этом Черил, та кивает.

– Восемнадцать – это юридическое условие, но если учесть, что способность проявляется к тринадцати годам (у них есть ритуал, который это подтверждает), то в определенных сферах, таких как здравоохранение и образование, принято регистрировать ПМ-статус в кратчайшие сроки. Можете себе представить, каково справляться с такими девочками в школьном учреждении, агент? В моей предыдущей школе в Нью-Джерси учились две сестры с этим даром. Уверяю вас, они из этого тайны не делали. На переменах торговали зельями, пытались очаровать мальчишек. Все, что угодно. Я потеряла счет наказаниям и конфискациям. В какой-то момент их мать стала угрожать школе иском за дискриминацию.

Она поднимает глаза, словно призывая небеса в свидетели. На стене напротив висит картина: темноглазый Иисус учит малышей – а рядом, видимо, свадебная фотография Черил и Бриджит: обе сияют, а между ними неловко улыбается Изабель с букетом в руках.

– Что еще вы можете рассказать мне о Харпер? Ее поведение в последнее время как-то изменилось?

Черил переминается с ноги на ногу, решая, что можно рассказать.

– Я полагаю, что примерно полтора года назад Харпер начала заниматься селфхармом. Я не знаю точно. Я не видела никаких шрамов, и другие сотрудники школы – тоже. Однако она начала носить закрытую одежду. Заметили, что у нее под футболку поддета вторая, с длинными рукавами. Два семестра тому назад она потребовала разрешения отказаться от школьных правил по религиозным соображениям и стала поддевать ее под спортивную форму.

– По религиозным соображениям?

– Как мусульманки надевают спортивные хиджабы, а мальчишки-сикхи – тюрбаны. Это меня озадачило: я считала, что ведьм правила не особо волнуют.

У меня в голове включается тревожный сигнал. Я не раз сталкивалась с домашним насилием. Когда женщина начинает носить закрытую одежду, это часто связано с тем, что у них властные партнеры, которые не хотят, чтобы на них смотрели другие мужчины. Или им нужно спрятать синяки.

– Миссис Ли, а когда Харпер и Дэниел Уитмен начали встречаться?

Черил качает головой.

– Я поняла, о чем вы подумали, агент, но они сблизились только в прошлом семестре. А сейчас прошу меня извинить: мне надо пойти и убедиться, что Иззи легла. Позвольте я вас провожу.

13

Эбигейл

Я просыпаюсь и моргаю под пристальным взглядом Тома Элви из «Филадельфия Иглз». Громадный плакат с этим квотербеком висит над кроватью Дэниела. Мы постоянно из-за него ссорились. Я говорила, что он портит вид комнаты. Не верится, что я могла ругать Дэна из-за такого пустяка.

Накануне, перед тем, как уйти, Тэд спросил, не хочу ли я, чтобы со мной пришла посидеть его жена, но я отказалась. Не нужно мне, чтобы меня держали за руку или со мной молились. Мне нужно остаться наедине с сыном.

Вот я и поднялась наверх, в эту комнату. Она рядом с той, где я ночевала, когда Дэн был младше – после того, как сказала Майклу, что его храп не дает мне заснуть. Муж не знает, что он не храпит и что я ночевала в этой комнате даже когда он уезжал, чтобы засыпать, слыша, как Дэн смеется, переговариваясь с друзьями по телефону, или под приглушенные звуки какой-нибудь компьютерной игрушки или фильма, которые он включил.

Но этой ночью я спала здесь, в постели Дэна. Моя одежда

грудой свалена на полу, перемешавшись с его вещами. Я у него под одеялом, как когда-то, когда он был маленький и его мучили кошмары.

Вот только теперь все кошмары – мои. Стоит мне закрыть глаза, и я снова вижу последний кадр из видео, которое мне показал Джейк. Дэниел лежит на полу лицом вниз, а вокруг толкотня ребят, спешащих убраться из горящего дома.

Мой красивый, бесценный, талантливый сын.

Возможно – мой убитый сын.

Я сбрасываю одеяло.

Если бы можно было, я больше никогда не вставала бы. Не мылась, не одевалась, не выходила в мир, где для меня ничего не осталось, потому что в нем больше нет Дэниела.

Но я по-прежнему нужна Дэну. Потому что его смерть не была случайностью: его убила Харпер Фенн. По крайней мере, так показывает видео.

Я все еще с трудом в это верю. Я *не хочу* верить.

Я иду в ванну Дэна. Моюсь его гелем. Не могу даже думать о еде, но механически готовлю себе кофе. Вчера вечером я разбила пузырек с Саринным зельем, и опять плохо спала, так что мне нужно как-то взбодриться. А потом я хватаю ключи от машины.

* * *

– Эбигейл! Господи, как ты? Заходи.

Сара ошеломлена моим появлением. Она втаскивает меня в дом, и я пригибаюсь – как приходится делать всем гостям – проходя под пучком перетянутых проволокой веток, подвешенных под притолокой.

Внутри все как всегда. Я обожаю этот необычный домик. Опущенные жалюзи погружают комнаты в полумрак. В них царит привычный беспорядок, в котором невозможно отличить безделушки от ведьмовских инструментов, домашние растения от ингредиентов для зелий.

Ведьмы обожают такую неопределенность. Их бусы – это просто украшение или артефакт? Кошка – домашний любимец или фамильяр? Это меня всегда привлекало. Но теперь я думаю: а не относится ли Сарина дочь к тем вещам, чья истинная природа не такая, какой всегда казалось?

– Я как раз поставила чайник, – говорит Сара, направляя меня на кухню. – Выпьешь чаю? Может, валерианы?..

Валериана – успокоительное.

– Я здесь не ради чая, Сара. Я здесь из-за того, что сделала твоя дочь.

– Харпер? О чем ты?

– Харпер убила Дэна, – говорю я. – У полиции есть свидетель. Есть улики.

Сара отшатывается, словно я ее ударила. Из темноты доносится громкое мяуканье, и в комнату врывается Эйра. Кошка тычется лбом в щиколотку Сары, и та берет ее на руки, утыкаясь лицом в шерсть. Любой может заметить их

общность, ведьмы и фамильяра. Между ними крепкие узы.

Такие узы были у меня с моим ребенком. Я до сих пор помню, как пахла кожа новорожденного Дэниела.

– Исключено, – говорит Сара. – Ты же знаешь, что наши принципы отвергают насилие по отношению к любому живому существу. А Дэн был чуть ли не на полметра выше нее и гораздо сильнее. Сделать это на вечеринке, в присутствии десятков свидетелей?

– Колдовство, – говорю я.

– Нет. Ты же знаешь, что это невозможно.

– Возможно. Это видели.

– Кто?

Я сжимаю зубы.

– Значит, ты имя назвать не можешь? Кто-то напился или накурился травки? Эби, скажи, кто это, и я быстро приведу их в чувство. Им должно быть стыдно, что они причинили тебе новую боль, когда...

– Сара, *это может быть правдой?*

То, как я говорю с ней, заставляет ее опешить – и наши взгляды встречаются. Сара все эти годы была мне подругой. Женщиной, которой я доверяла мои надежды и страхи. Она лгала мне – нам всем?

– Это *неправда!* Я тебе покажу.

Она ведет меня наверх. Покосившееся окошко на потоке выпускает свет, что освещает стены. Они полностью завешаны всякой всячиной: семейные фотографии, старая карта про-

лива Лонг-Айленд, бледные акварели, зарисовки растений, деревянные маски, узорчатые керамические плитки. Полосы выцветшей ткани завязаны на балясинах, словно свадебные украшения. У самой площадки что-то щекочет мне щеку – и я отвожу алые ленты, свисающие с ивовой плетенки в форме обруча.

На второй двери слева – красивая табличка с именем Харпер. Я замираю, когда Сара перед ней останавливается. Я сейчас окажусь лицом к лицу с убийцей сына? У меня бешено колотится сердце, и мне вспоминается Сарин пузырек с фальшивым утешением. «Успокой сердце».

Тэд Болт намекнул, что Сара дала мне его намеренно, чтобы меня одурманить. Она и правда могла? Сара знает, что сделала ее дочь?

Женщина, которую я считала подругой, стучит в дверь и окликает дочь. Ответа нет.

– Видишь? – говорит она, распахивая дверь.

Это звучит яростно – почти обвиняюще. Словно она пытается доказать что-то не только мне, но и себе.

Комната Харпер – это полная противоположность остальному дому. Ее голые стены покрашены белой как мел краской, окно завешано несколькими слоями белого тюля, который колышется на ветру. Тут стоит двуспальная кровать: я зажмуриваюсь, стараясь не думать, лежала ли здесь Харпер с Дэном. Майкл был категорически против того, чтобы дети занимались «чем-то таким» в нашем доме.

Полки наполовину заставлены книгами, а наполовину – средствами по уходу за кожей (из тех, что можно купить в магазине, а не мамины зелья) и девичьими мелочами: щетка для волос, контурные карандаши для век, сережки, массивные серебряные кольца... Письменный стол выглядит аккуратно: компьютер, стакан с ручками и все. Книжная полка и кровать увиты гирляндами китайских фонариков. Мои глаза впиваются во все это, ища подсказки. Есть здесь что-то, что прошепчет: «Я собственность ведьмы. Я собственность убийцы?»

– Ничего, – говорит Сара. – Видишь? Совсем ничего. Никаких артефактов. Никаких гримуаров.

Она распахивает дверцы гардероба с такой силой, что они стучаются о стену. Содержимое такое же темное, насколько вся комната светлая. Сара лихорадочно открывает ящики, вытаскивая охалпку стрингов и увеличивающих грудь лифчиков, словно это какие-то доказательства.

– Просто одежда. Обычная девичьи вещи.

Она плюхается на кровать, словно все силы ее вдруг покинули, и вытирает лицо. Когда она поворачивается ко мне, я вижу, что она плачет.

– Думаешь, я не знала бы, Эби? Моя родная дочь! Я для нее только и мечтала об этом.

– Почему ты так уверена?

– Из-за обряда. Ритуала Определения.

– Значит, он дал сбой.

Я смотрю на съездившуюся на краю матраса Сару. В нормальных обстоятельствах вид настолько расстроенной подруги меня больно ранил бы, но сейчас моих слез хватает только на моего сына и на меня саму.

Сара мотает головой.

– Он никогда не дает сбой.

14

Сара

Устами Эбигейл говорит ее горе. Конечно же. Не могла же она поверить этой надуманной истории про полицию, улики и колдовство!

Я – единственная ведьма в Санктуарии. Эбигейл это знает. Тэд Болт это знает. *Все* это знают. И все знают, что это – мое горе.

Так что я подробно рассказываю ей об Определении Харпер. Я после него была сама не своя, и выстояла только благодаря подругам: Бриджит, Джулии и Эбигейл. Но я никогда не рассказывала им всего. Это было бы нарушением прав Харпер: ведь это она попросила, чтобы на обряде никто не присутствовал.

В ведьмовских семьях этот обряд – большой праздник. Представьте себе христианскую конфирмацию, иудейский бар-мицва, шестнадцатилетие и студенческий бал вместе взятые. Родные ведьмы и неодаренные члены ковена съезжаются со всех концов страны, чтобы одарить ее своей любовью и благословениями.

Мое собственное Определение стало одним из самых счастливых дней моей жизни. Его провели через несколько недель после моего тринадцатого дня рождения на поле, принадлежавшем моей бабушке, неподалеку от их с дедушкой дома. Там был ручей и заросли орешника: хорошее место для магии.

Бабушка развесила по деревьям фонари и расставила на длинном столе мои любимые блюда: пирог со сладким картофелем, макароны с сыром, шарлотка. Для взрослых было шампанское, а для нас, детей, вино из одуванчиков. Мы танцевали и бесились, а на восходе луны бабушка провела мое Определение.

Я помню свои ощущения, когда она завершила заклипания – и я вдруг увидела. Мы все увидели. Моя магия ярко засияла во мне. На несколько мгновений ты превращаешься в человека-светлячка. Магия освещает тебя изнутри и искрами сыплется с тебя, словно пыльца феи. Это быстро гаснет, но ты уже никогда не забудешь, что в тебе заключено.

Бабушка всегда повторяла мне, что ведьма должна проявлять этот свет во всем, что делает.

Когда Харпер была маленькая, я мечтала об ее Определении. То поле по-прежнему принадлежит нашей семье: я хожу туда собирать ингредиенты. Я не рассчитывала, что мама приедет из Флориды: я помнила, как на моем празднике она сидела одна и отказывалась принимать поздравления. Мне потом рассказывали, что она напилась и вела себя гадко. Но

мои тетки, дядья и двоюродные братья и сестры ни за что этот день не пропустят. Как и те члены бабушкиного ковена, которые еще живы. Плюс мой собственный ковен: Бриджит, Джулия и Эбигейл со своими детьми и партнерами. Харпер тоже постоянно об этом говорила: «Когда я Определюсь», – твердила она. А я хохотала и говорила, что она родилась уже определившейся.

Но чем меньше оставалось до Определения, тем реже она об этом говорила. Поначалу я не могла этого понять. Я думала, уж не видела ли она то, что тогда происходило... может, это ее испугало, и она стала страшиться той силы, которую обретет. Я пыталась с ней об этом поговорить, вытянуть из нее, видела ли она что-то или, может, заподозрила, но она только сильнее замыкалась.

Когда я начала планировать праздник, она умоляла меня ничего не устраивать. «Я не хочу, чтобы кто-то там был». Я не могла ее понять, была уверена, что она передумает. Но ее день рождения приближался, а она была все так же тверда.

Я даже не заподозрила истинной причины ее нежелания праздновать Определение.

С тех пор прошло уже почти пять лет. Теплый сентябрьский вечер, через два месяца после того, как Харпер исполнилось тринадцать. Я уступила ее желанию: никакого праздника. Никаких свидетелей. Но я собрала пикник из ее любимых блюд. Я была уверена, что это просто нервы, вполне объяснимое волнение любого ребенка, достигшего первой важ-

ной вехи своей жизни. Когда все закончится, она будет в восторге. Но мы ни крошки не съели из того, что я приготовила.

Харпер потребовала, чтобы я не смотрела, как она переодевается в белую ритуальную рубаху. А потом, босая и серьезная, она легла на траву. Я помню ее глаза, пока я творила ритуал: широко распахнутые и мрачные.

Я выкопала вокруг нее канавку и заполнила ее водой, зачерпнутой из ручья серебряным ковшом. Я установила восковые свечи вторым, более широким, кругом и зажгла их. Вскрыла себе запястье ножом, чтобы обвести каплями крови еще больший круг на траве. Обошла по всем трем кругам против часовой стрелки, или против солнца, произнося слова заговора. Харпер лежала, окруженная водой и огнем, кровью и моим дыханием. Ее глаза следили за мной до самого конца.

Ничего не произошло.

Я думала, это ее рыдания – но это я плакала.

Упав на колени, я молила ее меня простить. Я выполнила ритуал неправильно. Сделала ошибку. Я его повторю. Все это – какое-то ужасное недоразумение. Конечно же, она ведьма. Конечно же!

Харпер обхватила меня своими худенькими ручками.

– Ты все сделала идеально, ма, – сказала она. – Но это не страшно. Не страшно.

И моя малышка утешала меня, плачущую.

– Так что, ты видишь, – говорю я Эбигейл, которая сто-

ит надо мной в комнате Харпер – спальне обычной юной девушки, – если там и было колдовство, то этого не могла сделать моя дочь. Я понимаю, что тебе хочется найти объяснение или причину. Но это не Харпер.

По ее лицу я вижу, что ей хочется мне поверить. Но если тут замешаны полиция и свидетель, этого мало.

Мне необходимо доказать невиновность моей дочери. Любым способом.

15

Мэгги

Тайский ресторанчик, торгующий на вынос, не закрылся во время моего пятилетнего отсутствия, и мои вкусовые рецепторы сообщают, что их потрясающий пад тай ничуть не изменился.

Может, я пытаюсь мысленно вернуться в прошлое, проверить, не получится ли разбудить воспоминания и понять, почему столь многие имена и лица в этом деле кажутся знакомыми. А может, я просто люблю хорошую жареную лапшу.

Я горблюсь над дерматиновым офисным компьютером, просматривая старый список дел. Казалось бы, можно было просто нажать Ctrl+F с адресом Перелли-Ли – и оно тут же всплывет, но черта с два. Не могу решить, кто именно создавал базу данных органов правопорядка: человек, который ненавидел компьютеры, ненавидел копов или обожал доплату за сверхурочные.

Моя вилка уже безнадежно скребет по дну картонки из-под еды, когда я наконец его нахожу. Мои глаза больше не выдержат взглядывания в зернистый экран, так что я нажи-

маю «Печать», чтобы прочитать позже у себя на съемной квартире.

Я пытаюсь сообразить, как ввести код авторизации в принтер, и подумываю, не сработает ли просто удар кулаком по клавиатуре, когда у меня за спиной раздается нервное покашливание.

Это мой новый помощник.

Утром шеф вызвал меня к себе в кабинет, и мы обсудили, как свидетельские показания его сына сказались на моем расследовании. Я сказала, что нам лучше бы пока не оглашать заявление его сына, чтобы не нарушить ход расследования. Тэд сначала взвился, решив, что я подвергаю сомнению показания его сына. Я не стала напоминать, что подвергать сомнению показания – это то, что копы и делают.

Однако я убедила его в том, что так будет лучше для всех. Учитывая полную школу напуганных подростков, нельзя подвергать девушку риску из-за непроверенного утверждения. Что до Джейка... ну, я напомнила шефу поговорку: «Даже белые ведьмы становятся страшными врагами». Его голубые глазки выпучились, и он выдал какую-то чушь насчет того, что Сара Фенн «порядочная женщина». Тем не менее он принял мой довод. Обвинять ведьму в убийстве – это, возможно, немного рискованно.

Так что, чтобы расследование шло быстрее (иными словами, чтобы доказать правоту сына), он дал мне помощника. К счастью, это был не Мерзкий Коп и не Чрезмерно Увлечен-

ный Просмотром Улики Коп. Это – Услужливый Коп, он же некий сержант Честер Гринстрит.

Честер настолько бледный, что чуть ли не прозрачный, с копной светло-рыжих волос, веснушками и невидимыми золотистыми ресницами, из-за которых он кажется постоянно изумленным. Но когда я поворачиваюсь, чтобы пригласить его войти, то замечаю, что он действительно изумлен. Я просила его просмотреть результаты экспертизы по дому, где проходила вечеринка, и поторопить токсикологов насчет трупа парнишки. Однако сейчас у него в руке увесистый юридический справочник.

– Можно с вами переговорить, сэр... то есть мэм? Приватно?

Знаком разрешая Честеру закрыть дверь, я слышу от дежурящего Мерзкого Копы восхищенный свист.

Он кладет том на стол – и можно даже увидеть, как с нее слетает облачко пыли.

– Я получил жетон только в прошлом году и, ну... на самом деле был так увлечен, что прочел эту штуку. От корки до корки.

Это «Уложение наказаний штата Коннектикут». Мы все во время подготовки слушаем курс по нему, но на самом деле он рассчитан на юристов – судей и адвокатов – а не на нас, простых копов. Мой сержант заложил нужное место кофейной салфеткой.

– Я рада, что вы так отдаетесь делу, Честер, но что бы

Джейк Болт ни говорил, я пока не уверена, что преступление вообще имело место, не говоря уже о вердикте и приговоре.

– Ну, нам нужна будет уверенность, – говорит он. – Твердая уверенность. Потому что иначе полетят головы, – он морщится. – И это не каламбур.

Его палец уткнулся в абзац с подзаголовком «Исключение для отмены смертной казни за убийство».

Что неверно, потому что исключений *нет*. Коннектикут отменил смертную казнь в 2012 году. До этого в нашем штате лет за сорок был казнен всего один заключенный. И всего несколько лет назад власти штата отменили смертную казнь даже тем одиннадцати преступникам, которые ее ожидали. В Коннектикуте казни проводить не желают.

Тут всего один абзац, потому что исключение всего одно: «Убийство сверхъестественным путем». Я его читаю. А потом перечитываю.

– Я правильно поняла, что тут сказано? – спрашиваю я у Честера.

– Ага. Я собрал информацию. Колония Коннектикут получила королевскую хартию в 1662 году. С того момента и до Войны за независимость мы казнили десятки человек за преступления, совершенные с помощью колдовства. Руководство колонии считало магию такой угрозой «моральному и духовному спокойствию населения Коннектикута»... Это я цитирую, сам я ничего против ведьм не имею, – поспешно добавляет он. – Такой угрозой, что, когда мы в 1788 году

присоединились к союзу и стали пятым штатом, нам навечно было гарантировано отсутствие любых поправок или отмен в отношении *преступного колдовства, караемого смертью*.

Я с шипеньем выпускаю воздух сквозь сжатые зубы. Это не пожелтевшие бесполезные бумажки. Это – неотменяемое современное требование закона штата Коннектикут.

Если то, что заявляет Джейк Болт, правда – или если жюри присяжных решит, что это правда – то Харпер Фенн умрет.

Журнал записи происшествий: округ Блэк Хилл, отделение Санктуария

Полученный вызов: 22:32, 8 августа

Выезжавший полисмен: сержант Найт, Маргарет

Номер записи: 14-1009

Вызов поступил в 22:32 на центральный узел от женщины, назвавшейся соседкой Пьера МАРТИНО и Бриджит ПЕРЕЛЛИ по адресу Шор-аппроуч, дом 258. Сообщение о нарушении тишины: женский крик. Также «шум».

По словам звонившей, это необычно, так как МАРТИНО и ПЕРЕЛЛИ «хорошие люди» и «обычно тихие», хоть и замешаны в «ведьмовских штучках». После этого вызывающая переключилась на осуждение «деятельности ковена» и сообщила, что соседи жаловались ПЕРЕЛЛИ, что это может сказаться на стоимости собственности.

Принимавший вызов сержант Грейсон вернул говорящую к конкретике. Звонившая сказала, что это «возможно пустое», но крик был «просто ужасный», так что она сочла нуж-

ным о нем сообщить. Звонившую поблагодарили и заверили, что офицер выезжает.

Проверка показала отсутствие дел на ПЕРЕЛЛИ. Пять нарушений дорожных правил со стороны МАРТИНО, но никаких иных преступлений.

Сержант Найт отправлена по вызову. На месте в 22:57.

Реагирующий полицейский выяснила, что на террасе дома шел праздничный обед. Присутствовали Пьер МАРТИНО, Бриджит ПЕРЕЛЛИ, Майкл и Эбигейл УИТМЕН, Сара ФЕНН и Джулия ГАРСИЯ. Кроме того, в доме находились четверо несовершеннолетних, дети вышеупомянутых взрослых.

Один несовершеннолетний, Дэниел УИТМЕН (12 лет) лежал на диване внизу, с ним находилась его мать.

Сержанту Найт сообщили, что мальчик упал с лестницы. Услышавшие шум взрослые нашли его без сознания, и его мать закричала. Однако мальчик быстро пришел в себя без каких-либо видимых травм.

Мальчик был в сознании и разговаривал. Сказал: «Пошел нам за печеньками, но было темно, и я шагнул мимо ступеньки».

На рекомендацию полицейского обеспечить ребенку осмотр профессионального медика Майкл УИТМЕН заявил, что он – профессиональный медик, профессор факультета медицины Йельского университета, и что он уверен, что его сын «немного испуган, но цел». «Мы все переволнова-

лись гораздо больше него», – сказал УИТМЕН.

Были проверены остальные дети наверху (в возрасте между 11 и 12): они не спали, но были спокойны. Все дети подтвердили, что с ними все в порядке.

Реагирующим было рекомендовано наблюдать за несовершеннолетним Дэниелом УИТМЕНОМ в течение всей ночи, а утром в случае появления каких-либо тревожных симптомов обратиться к врачу и получить второе мнение.

ДЕЛО ЗАКРЫТО

17

Сара

Когда я сказала Эбигейл, что она ошиблась, то не смогла ничего прочесть по ее лицу. Я сказала, что Харпер не смогла бы ничего сделать Дэниелу колдовством. Не знаю, правда ли то, что она сказала об обращении свидетеля в полицию, но это глубоко меня потрясло. Потому что пусть это обвинение и ложное, но доказать это будет ужасно сложно.

Я не могу допустить, чтобы дочь еще день со мной не разговаривала. И потому, после того как я все же взяла себя в руки, я зачаровала дверь спальни Харпер.

Солнце едва встало, и я сделала перерыв в бессонном приготовлении ингредиентов, чтобы подремать в бабушкином кресле-качалке – и тут мои чары заставили все часы и колокольчики в доме зазвенеть одновременно.

Харпер врывается ко мне, разъяренная. Когда моя девочка так злилась?

– Какого черта, ма? Ты заговорила мою дверь?

– Нам надо поговорить. Я никогда не спрашиваю, куда ты ходишь, но ты пропустила два дня в школе – и еще очень

много чего.

– Вряд ли. Здесь меня ничего не держит.

Я понимаю, что она говорит о школе, о сплетнях на парковке, о посиделках в кафе – обычных элементах жизни подростка. Но ее «меня нечего не держит» ранит меня больше ритуального кинжала.

– Харпер, я серьезно. Сядь.

Она мрачно плюхается на кухонный стул, пристраивая пятки на край сиденья. Она упирается подбородком в колени и наблюдает за мной.

– Ну, что?

Как сказать своему ребенку, что ее обвинили в убийстве? Как сказать девушке, лишённой дара, что ее обвинили в том, что она сделала это колдовством? Как объяснить, что женщина, знавшая ее с младенчества, считает ее способной на это?

Придется попытаться. Мне придется сказать ей правду, постаравшись не напугать. Сейчас речь дается мне труднее любых чар.

– Ко мне приходила Эбигейл. Она сказала, что кто-то явился в полицию и дал показания о том, что ты виновна в смерти Дэниела.

Харпер напрягается. Мрачность в ее взгляде сменяется потрясением и недоумением.

– На вечеринке?

– Это нелепость, конечно. Но это значит, что следователь

снова вернется и будет задавать вопросы.

– Но это же невозможно! Когда Дэн упал, меня рядом не было. Я была на лестнице, а он стоял на площадке.

И вот сейчас – самое трудное. Вопрос, который даже обсуждать с Эбигейл казалось предательством: отсутствие у дочери дара. Я виню подругу (если она еще мне подруга) за то, что заставила меня разбередить эту рану.

– Свидетель говорит, что ты сделала это колдовством.

– Колдовством? – переспрашивает Харпер. А потом я изумленно слышу ее хохот. – Ну, в этом случае тревожиться не о чем.

– Боюсь, что не все так просто, милая.

Мне невыносимо ей об этом говорить. Хотя судебная система Соединенных Штатов вполне готова выносить приговоры за преступления, *совершенные* с помощью магии, она не принимает свидетельств, *полученных* с помощью магии. Спасибо Александру Гамильтону и его приятелям, составившим федеральные документы. Они внесли туда поправку: «Никто не должен быть осужден или оправдан свидетельствами, полученными сверхъестественным путем». Логика состояла в том, что ведьмы станут покрывать друг друга: всегда будут говорить, что магия не использовалась, или станут пытаться вывернуться, обвиняя невиновных. Короче, в том, что ведьмы по определению не заслуживают доверия.

А это означает, что неудачный обряд Определения Харпер нельзя использовать, чтобы доказать суду, что она лише-

на дара. И знаете что? Наука не имеет способа это выяснить. Никакого анализа не существует. Наша кровь не светится. В наших ДНК нет третьей спирали, в нашем геноме нет лишней буквы. Когда дело доходит до выявления ведьм, медицина получает один жирный ноль.

По сути, стоит кому-то сказать, будто видел, как ты колдуешь, то доказать, что ты не ведьма, сейчас так же невозможно, как в те дни, когда тебя кидали в деревенский пруд. Тогда доказать свою невиновность можно было только одним способом: утонуть.

Я вижу, как Харпер сжимается, пока я объясняю ей это по возможности мягко, и обнаруживаю, что почти боюсь той вспышки, которая обязательно должна последовать.

– Кто это сказал? – спрашивает она. – Кто этот свидетель?

– Понятия не имею. Эбигейл отказалась говорить.

– Джейк. Могу спорить, это тот неудачник Джейк Болт.

Я холодею. Потому что, конечно, если это и правда был Джейк Болт, сын шефа полиции, тогда, надо думать, на суде его слово будет весить гораздо больше, чем слово обычного подростка. Не говоря уже о том, что Тэд вряд ли потребует от своих подчиненных работать сверхурочно, доказывая, что его сын – лжец.

Я всегда прекрасно ладила с Тэдом Болтом. Он не из тех защитников правопорядка, которые видят в ведьмах идеального подозреваемого, когда команде не хватает результатов по раскрытию дел. Возможно, дело в том, что он время от

времени консультировался со мной по поводу «одной проблемки».

Но если его сын официально стал обвинителем Харпер, у моей девочки громадные проблемы.

Как мне с этим справиться?

18

Эбигейл

Джулия с Бриджит приходят одновременно. Открывая дверь, я задумываюсь: не совещались ли они у меня на пороге по поводу моих звонков?

Мы обнимаемся, и они встревоженно меня разглядывают. Спала ли я? Ела ли я? Они рады видеть, что я умыта и одета. В конце концов они часто слышали от меня ту простую истину, которую я вынесла из подготовки к карьере психиатра, хоть потом от нее и отказалась: что поддержание внешней иллюзии чего-то может помочь сделать это реальным.

В данном случае, притворяясь, что я держусь, я буду держаться. Вот только это не совсем верно. Меня поддерживает только одно – и это не душ и не макияж. Это намерение добиться ответа за смерть Дэниела.

Я веду их в зимний сад. Майкл вернулся из университета, но закрылся у себя в кабинете, чтобы работать над статьей. Несмотря на мои мольбы, он только на секунду меня приобнял. Если я надеялась, что случившееся хоть как-то его изменит, я ошибалась.

– Не похоже на Сару – приезжать последней, – говорит Бриджит.

– Ее не будет.

Я разливаю холодный чай и рассказываю им все. О визите Тэда и Джейка. О видео Джейка, на котором Харпер с помощью магии убивает моего сына. О категорическом отрицании Сары, когда я с ней говорила. О ее утверждении, что у ее дочери нет дара.

Когда я заканчиваю, то вижу, что обе подруги смотрят на меня со снисходительным сочувствием родителей, чей малыш утверждает, что под кроватью и правда прячутся монстры.

– Ты же знаешь, что мы всегда рядом, Эбигейл, – мягко говорит Джулия.

– И ты так стойко держишься, – добавляет Бриджит. – Продолжай и дальше жить одним днем.

Они мне не верят.

– Вы меня не слушали! – говорю я. – Есть доказательство, что дочь Сары *убила моего сына!*

– Мы тебя слышали, но не требуй, чтобы мы при этом вставали на чью-то сторону, – Джулия бросает быстрый взгляд на Бриджит, проверяя, что она согласна с этим «мы», и Бридж кивает. – Не из-за слов какого-то школьника.

– Не просто какого-то школьника. Джейка. Сына шефа полиции.

– Джейк, – говорит Бриджит, – преклонялся перед Дэни-

елом, был заиклен на Харпер, а сейчас, наверное, вообще не в себе от горя.

– Но запись на его телефоне это доказывает! – шиплю я.

– Как Харпер с гневным видом машет руками? – уточняет Джулия. – Не вижу, чтобы это что-то доказывало.

– Хотя они недавно поссорились, так? – говорит Бриджит, и мне кажется, что она готова изменить свое мнение. – Была какая-то сцена в школьном буфете.

– Точно. Беа мне сказала, что Дэн с ней расстался прямо на публике, – соглашается Джулия. – Но это нельзя считать мотивом. Я неделю плакала, когда меня бросил мой первый парень, но я не собиралась его убить.

– Эби, – Бриджит кладет руку мне на локоть. – Харпер ведь даже не ведьма. Мы все это знаем. Ей пришлось бы об этом заявить.

– Мы этого не знаем. Нам об этом просто рассказали. Вы ведь знаете, что Сара не слишком стремится следовать всем правилам. У нее в шкафчике заперты тайны половины нашего городка. Готова спорить, что она делала для всех нас что-то такое, о чем больше никто не знает...

Я смотрю на них по очереди. Джулия неловко ерзает в кресле.

Наверху кресло Майкла катается по полу его кабинета. Помню тот день, когда я пришла к Саре, вне себя из-за того, что у этого умного перспективного мужчины, за которого я вышла замуж, не ладится карьера. У него был контракт, но

он не продвигался вперед. Я помню, как просила ее – как умоляла – что-то сделать.

Как тщательно она готовилась. Какое количество вещей Майкла мне надо было собрать, сколько частичек тела добыть. Прядь волос, притворившись, что она неудачно подстрижена. Капельку крови, которую я якобы решила отправить для «анализа родословной», заслужив лекцию о том, что все эти анализы – чепуха. Ароматические масла, которыми мне надо было смазать его во сне, зелья, которые надо было подлить ему в питье. Обряд, который мы с Сарой провели в кабинете, окружив его стол линиями силы.

А потом – результаты. Невероятные результаты. Скрытые амбиции и харизматичность Майкла вырвались наружу и принесли те результаты, которых я всегда от него ожидала. Престижные исследовательские гранты. Приглашения на пленарные выступления. Место профессора.

Я никогда не рассказывала об этом Джулии и Бриджит. Но это не страшно, потому что уверена: они за эти годы тоже обращались к Саре за чем-то подобным.

Ну и что с того, если Майклу пришлось все больше времени проводить в кампусе, в лаборатории, на конференциях? У меня были способы это компенсировать. И у меня был Дэниел. Я создала сыну тот идеальный дом, о котором всегда мечтала. Я не жалела, ни о чем не жалела – ради него.

А теперь...

Теперь Джулия смотрит на меня с жалостью – и разве это

не нелепость: ведь ее муж был одним из моих средств компенсации. Ее муж, который клялся, что любит меня и готов уйти от Джулии. Вот только в итоге это от меня Альберто ушел, не оглянувшись.

– Я не стану принимать ничью сторону, пока своими глазами не увижу доказательств, Эбигейл. Извини, я понимаю, что тебе ужасно тяжело. Не могу вообразить... – Джулия содрогается. – Но, по-моему, так ты ничего не исправишь. Ты в шоке. Джейк в шоке. Моя дочь сама не своя. Бриджит говорит, что у Иззи кошмары. С этим надо покончить, а не затягивать, иначе это отразится на всех наших детях.

– Ну, на моем это уже отразилось, – говорю я. – Он лежит в морозильнике с наполовину сожженным лицом.

– Господи, Эби! – вскрикивает Бриджит.

Джулия встает, чтобы уйти. Я ее шокировала? Мне не стыдно. Не собираюсь тихо сидеть в уголке с грустным видом, пока вокруг меня ходят на цыпочках и шепчут бесполезные утешения. Дэниела нет, но я ему все еще нужна. Я буду сражаться за него – с поддержкой подруг или без нее.

– Пошли, Бриджит, – говорит Джулия.

Странно, что Бриджит так любит кошек, когда сама – стадное животное. Когда стадо разделяется, с кем пойдет Бриджит?

– Сара может тебе сейчас помочь, – говорит она мне. – Не обращай против нее. Обратись к ней. Она готова для нас на все, тебе ли не знать.

Она встает и идет к Джулии. Она собирается меня обнять, но у меня вдруг так кружится голова, что я не могу подняться на ноги. Слова и образы сливаются у меня в голове, соединяются, образуя нечто единое, на что я почти не смею смотреть.

Сара не слишком стремится следовать правилам.

Он лежит в морозильнике.

Она готова для нас на все – тебе ли не знать.

А что, если я проверю слова Бриджит?

А когда Сара откажется – потому что, она конечно же откажется – у меня будет безотказный способ заставить ее передумать.

19

Сара

Харпер грозит опасность из-за ложных обвинений Джейка – и я должна что-то предпринять!

Так что я еду по Шор-роуд к развалинам виллы «Вояж». Мне надо убедиться, что тем вечером магия не применялась.

Мое заявление об этом суд не примет – не только из-за правил относительно доказательств, но и потому, что я мать обвиняемой. Но когда я в этом удостоверюсь, я обращусь за помощью в Собор – нашу национальную магическую организацию – если историю с Харпер будут развивать и дальше.

Собор существует уже больше века. Многие десятки лет он вел кампанию против дерьмовых законов, принятых против нас. Есть куча случаев, когда осуждение следовало даже за попытку колдовства – начиная с соблазнения несовершеннолетнего и кончая воскрешением мертвого. А в случае обычных преступлений использование колдовства автоматически увеличивает наказание. Если за ограбление магазина вы получаете два года, а за разбойное ограбление с оружием – пять, то за ограбление с использованием магии вам дадут

десять.

Собор тщательно выбирает, когда стоит вмешаться. Но случай с юной девушкой, обвиненной в убийстве с помощью колдовства, когда не использовалось ни крупицы магии, игнорировать будет невозможно. Собор – уважаемая организация. Одна из старших его членов замужем за сенатором от штата Калифорния. (Конечно, нам, магам, самим нельзя претендовать на публичные должности: ведь мы якобы способны околдовать людей, заставив за нас голосовать).

Если я смогу убедить Собор осмотреть виллу и подтвердить, что там не применялась магия, разве суд сможет отказаться это признать?

Вилла выглядит неожиданно хорошо. О случившемся говорят разбитые окна. Вокруг каждого – черный след от сажи, словно само зло выползло из всех щелей.

Вход затянут полицейскими лентами, а десятую метрами дальше копы вбили в землю металлические прутья и поставили хлипкое ограждение, которое хлопает на ветру. Я подныриваю под него.

Тут погиб сын одной из моих лучших подруг – паренек, которого я знала с самого рождения. И уже не в первый раз я плачу о Дэниеле Уитмене. Я помню, что его первым словом стало «дай» и что в какой-то период он ел только оранжевую еду. Я была рядом, когда он плакал из-за того, что его первый велосипед – красный, а не синий. Помню, как в десять лет я поймала его на краже четвертаков у меня из кошелька, хотя

Эбигейл и Майкл давали ему карманные деньги.

Я помню тот вечер у Бриджит.

Дэн был сложным. Когда он стал старше и оказался отличным футболистом, он зазнался. Я гадала, вызвано ли это тем, что Эбигейл его обожала, или, может, дело в отстраненности Майкла – и если это так, то нет ли тут и моей вины?

Помню свое удивление, когда Харпер сказала мне, что с ним встречается.

Ужас, с которым я читала смс-ки Харпер с той вечеринки.

Что же произошло на этой вилле в тот вечер?

Я волновалась насчет того, что оставлю следы, но толстый слой золы на полу уже истоптан десятками ног: школьники, эксперты, полицейские. Если она и содержала какие-то тайны, они давно утеряны.

По крайней мере, для невооруженного взгляда.

Я засовываю руку в полотняную сумку для покупок и вытаскиваю длинный прут из орешника. Он раздвоен, и я берусь руками за оба конца.

Я получила свою лозу в двенадцать лет. Как-то в полнолуние за город меня отвезла бабушка, у которой я оставалась ночевать. (Мама всегда была в курсе, когда мы занимались колдовством, но о подробностях никогда не спрашивала). Бабушка натерла мне кисти рук соком омелы, обвязала оба запястья красной ниткой и положила на ладонь свой серебряный серп. А потом повела меня на холм с рощей и объяснила, что надо искать.

Я примерно час выбирала ту палку, которую сейчас держу. Бабушка подсказывала мне слова и жесты, с которыми надо было приложить лезвие к дереву. Срезав ветку, я проколола себе большой палец и запечатала пенечек своей кровью. Так устроена магия. Это – обмен. «Отдать что-то за то, что получила», – так всегда говорила бабушка.

В холле я вешаю сумку на плечо и поднимаю рогатину перед собой, бормоча нужные заклинания. Для поиска с орешником я, как правило, использую древнекельтский. Эту магию отточили на туманных островах, полных скал и предательства.

Дерево слабо вибрирует у меня в руках – и я не могу сдержать улыбку. Потому что здесь, у входа, я чувствую волнение. Возбуждение и предвкушение. Могу представить себе, как ребята собирались: девочки подкрепили уверенность в себе косметикой и тщательно подобранными нарядами, мальчики – энергетиками и напускной храбростью. Я вспоминаю то, что чувствовала в свои восемнадцать лет – и это действует, словно наркотик.

Волна эмоций участников вечеринки оmyвает меня, когда я прохожу дальше в дом. За юношеским гормональным фоном я ощущаю более мрачные потоки: тревога, неуверенность, ревность и жажда.

Я опускаю лозу и продвигаюсь дальше по холлу, сначала просто осматривая все обычным взглядом. Здесь пожар был самым сильным, и я ничем не помогу Харпер, если сломаю

ногу, провалившись сквозь половицы. Напротив меня – та самая лестница. Круглая головка стойки перил в самом низу обуглена, словно колдовская кукла, которую сожгли, чтобы наложить проклятие на ее человеческое воплощение. Середина лестницы обрушилась, а дальше перила сохранились. Они проходят мимо высокой и широкой стены. Раньше белая, она исчерчена серым и черным, словно полотно абстракциониста, за которое Джулия готова отдать целое состояние.

Наверху – площадка, с которой упал Дэниел. Перила остались целы. Мне они выше пояса, но для такого высокого парня как Дэниел они оказались бы ниже. Легко представить себе, что он споткнулся или пьяно пошатнулся – и перемещение его собственного центра тяжести заставило его через них перевалиться.

Мой взгляд прослеживает траекторию его короткого спуска. Здесь. В центре этого открытого пространства он приземлился бы. Если он падал головой вниз, то шея переломилась бы. Типичная травма.

Все это мне слишком знакомо.

Меня посещает мрачная мысль, но я ее отгоняю и снова начинаю разыгрывать копа.

Я представляю себе панику, вызванную падением Дэна. Ребята бросились ему на помощь или в ужасе застыли? Был ли он еще жив, когда упал? Можно ли было его спасти?

Могла бы я его спасти, если бы я была в доме?

Но еще был пожар. Видимо, он разгорелся быстро.

Несчастный случай или неудачное озорство? Могу представить себе, как ребята несутся к выходу. Втягивают чистый воздух на улице, набирают на телефонах 911, говорят себе, что отряд экстренной помощи займется и пожаром, и их пострадавшим другом.

Неудивительно, что Эбигейл обезумела от потери. И, возможно, Харпер гложет вина – если она убежала оттуда вместе со всеми и оставила Дэниела там лежать. Нужно будет сказать ей, что тут стыдиться нечего. Инстинкт самосохранения – один из базовых, он отключается только у родителей.

Больше мой разум ничего о вероятных событиях сказать не может. А мое искусство поведает ту же историю?

Я стараюсь успокоиться и снова поднимаю лозу, готовясь к неизбежному: я буду ощущать все: панику и страх ребят, их ужас и горе.

И я зажмуриваюсь, как от удара. Слишком много эмоций от слишком большого количества людей. Слишком сильных эмоций. Они рвут меня, словно когти.

И тут меня настигает еще одно – и я ахаю и падаю на колени. Лоза выпадает из трясущихся пальцев. Я давлюсь и сплевываю в золу, чтобы не задохнуться.

Магия.

Мощная, жестокая магия.

Достаточно сильная, чтобы сжечь дом и убить парня.

Я осознаю то, о чем до этой минуты не подозревала: я в Санктуарии не единственная ведьма.

20

Мэгги

– Э... босс?

Это Честер. Я как раз читала свой отчет шестилетней давности, пытаюсь понять, следует ли принять во внимание общий с текущим расследованием состав действующих лиц, или же это чистой воды совпадение, когда в дверь заглянул мой помощник.

– Вас к телефону. Берил Варли из «Сентинел». Она их новостной редактор – вполне вменяемая.

– Поняла.

Пока нас соединяют, я готовлюсь к вопросу о том, правда ли, что у нас имеется обвинение в убийстве с помощью колдовства, потому что в таком городке, как Санктуарий, новость о показаниях Джейка обязательно рано или поздно разойдется. Пора задействовать старое верное «Без комментариев».

Однако, когда Берил Варли выходит на связь, она действует совершенно по-другому. Видимо, дело в том, что это и правда местная газета, а не «Вашингтон пост». Варли живет

рядом с людьми, о которых пишет.

– Наш стажер только что сообщила мне кое-что о трагедии Уитмена, – говорит она. – Я решила, что вам это следует знать.

– Очень вам благодарна, миз Варли.

– Это гадость, но... – она неуверенно смеется, – вы ведь коп. Видели вещи и похуже. Только... почему нынешние девушки допускают подобные съемки? Они ведь должны знать, что в итоге это увидит весь интернет. Я отправлю вам ссылку. Это... как оно там? Скриншот! Я перешлю вам скриншот, агент, потому что часто эти штуки быстро стирают.

– Вы очень любезны, мэм.

Я едва успеваю продиктовать свой адрес, как она начинает говорить снова:

– И на странице в память о Дэниеле к тому же! Просто отвратительно. Что подумает его бедная мать? Эти подростки вообще хоть немного думают о других?

Взгляды Берил Варли пришли из другой эпохи, но, думаю, они вполне подходят для популярных высказываний: всегда проще винить молодежь, а не помогать ей. Я рисую облаченную в кардиган милую старушку – возможно, окончившую один из не особо хороших женских колледжей – когда она вставляет вопрос так непринужденно, что я чуть было не отвечаю, не успев понять, что она сделала.

– Надо полагать, Харпер Фенн не фигурирует в расследовании смерти Дэниела Уитмена, агент?

– Извините, миз Варли, но на данном этапе я не стану ничего комментировать. Вы же знаете порядок. Глубоко вам благодарна за обращение.

Я вешаю трубку, чтобы предотвратить новые нежелательные вопросы – и ощущаю, что трубка внезапно стала скользкой. И тут до меня впервые доходит, какая колоссально-дерьмовая шумиха поднимется в СМИ, если Джейк Болт не отступится от своего заявления, а его отец продолжит его поддерживать.

В нашей стране уже очень давно никого не казнили за убийство с использованием сверхъестественных сил. Видимо потому, что последнее дело стало одним из крупнейших скандалов в судебной истории. В полицейской академии ему посвятили семинар в качестве предостережения против ошибочного приговора – и такие истории не забываются.

Где-то в Пенсильвании в 50 годах прошлого века двоих богачей обнаружили мертвыми в постели. Никаких признаков насилия не было, так что их единственный сын получил наследство. А потом пару лет спустя какая-то девица обратилась в полицию и сказала, что этот сын хвастался, будто убил родителей, и ему это сошло с рук. Оказалось, он так же хвастался еще нескольким женщинам. Однако в тот момент, когда перед сыном уже маячил электрический стул, он указал на горничную своих родителей, полячку по имени Агнес Новак.

Он сказал, что Агнес была ведьмой. Была в него влюбле-

на и считала, что его родители мешали их браку, и потому убила их проклятием. Улики против нее появлялись одна за другой. Зачарованные безделушки, обвязанные одним из носовых платков его отца и опрысканные духами его матери. И решающими стали показания подпольной акушерки, которая клялась, что девушка обратилась к ней ради аборта, так как любовник отказался на ней жениться, хоть она и убила его родителей, чтобы расчистить им путь.

Новак признала, что она ведьма и что была влюблена в сына, который действительно ее обрюхатил, но у нее был выкидыш. Тем не менее она отрицала причастность к смерти его родителей. На суде у сына были адвокаты и куча свидетелей. Так что на электрический стул отправилась Агнес. И на этом все могло бы закончиться, если бы на смертном одре та акушерка не призналась, что ей заплатили, и ее показания — ложь.

В результате Агнес помиловали с опозданием в тридцать лет. Санктуарий готов стать центром нового скандального разбирательства с участием подростка?

На моем экране появляется сигнал «новая почта».

Итак...

На этом поганом компьютере картинка загружается медленно, постепенно вырисовываясь из тумана низкого разрешения — и это неспешное проявление почему-то делает ее еще противнее, еще непристойнее.

Первым можно различить облаченный в джинсы зад мо-

лодого парня. Штаны спущены, заставляя предположить, что впереди они расстегнуты. Стройная девичья нога висит вдоль его ляжки.

Следующая часть картинки не оставляет сомнений в том, что происходит. К счастью, тела девушки почти не видно. бедро и светлая ляжка. Ее джинсы и стринги спущены под раздвинутые коленки. Он даже не прикасается к ней, не считая того места, где их тела соединены.

Верхняя часть торса девушки закрыта – по большей части. На ней футболка с длинными рукавами, низ у которой задрян, обнажая одну грудь. В полумраке спальни ее кожа кажется болезненно-белой, а на животе смазанно различаются спирали татуировки.

Я знаю, кто эти двое – и последняя часть снимка это подтверждает. Это Харпер: голова ее откинута на покрывало, рот открыт, глаза закрыты. Парень снят со спины, но у него широкие плечи квотербека, на нем спортивная футболка, а волосы коротко подстрижены, почти в военном стиле, знакомом по фотографиям Дэниела Уитмена.

Скриншот заканчивается надписью над снимком. Она короткая и по существу.

«Харпер Фенн шлюха и лгунья.

И кое-что похуже».

Запостивший обошелся без экивоков и при выборе ника: «Разобла4ительшлюхиСанктуария» – и, черт, как же мне надоело, когда девушек называют этим словом в подобных си-

туациях.

Я отодвигаюсь от стола и выдыхаю. Передо мной один кадр из того секс-видео, которое показали на вечеринке. Неудивительно, что Харпер пришла в ярость – как и описывал Джейк. Что за грубейшее нарушение тайны личной жизни!

И когда я рассматриваю картинку, у меня возникает еще одна мысль. Как это было снято? Судя по ракурсу, камера была не у Дэниела в руке. Но закрепил ли он где-то свой телефон, чтобы вести запись – или в комнате с ними был еще кто-то? По этому кадру определить невозможно.

А как насчет того, кто отправил этот уродский пост? *Разоблачитель шлюхи Санктуария* не стал открыто называть Харпер убийцей – только шлюхой и лгуньей. Но это «*кое-что похуже*» явно намекает на большее. Он знал об обвинении Джейка Болта?

Мог ли этот пост отправить сам Джейк?

– Переправляю тебе письмо, Честер, – говорю я помощнику. – Там адрес сайта и аттачка с изображением. Позаботься, чтобы компьютерщики срочно это заархивировали. Пометь как неприличное с 18+ и «только по разрешению». Мне надо сделать несколько звонков.

Это фото оказалось в руках у журналистки, которая либо достаточно хорошо информирована, либо просто достаточно проницательна, чтобы задаться вопросом, подозревается ли Харпер Фенн в убийстве Дэниела. Поскольку шеф Болт

оказался лицом заинтересованным, мне следует подключить моего босса на уровне штата.

Мне надо четко придерживаться процедур, чтобы прикрыть свою задницу. Однако тут под угрозой не только моя репутация. Девушку-тинейджера обвиняют в колдовстве, за которое ее ждет варварское наказание. Часы, ведущие отсчет времени до того момента, как эта история всплывет, тикают все громче и громче. И когда это случится, то все станет очень серьезно.

21

Эбигейл

Я два раза постучала Саре в дверь, но ответа не было. Ее машины тоже.

Ну и ладно. Буду ждать столько, сколько потребуется.

Слова Бриджит крутятся у меня в голове, и я замечаю, что постукиваю по рулю, произнося их про себя снова и снова, словно это обещание. Заклинание.

Она готова для нас на все.

Когда мы только познакомились с Сарой на предродовых занятиях, меня к ней потянуло из чистого любопытства. В противном случае наши пути никогда не пересеклись бы. Ведьму не встретишь в гольф-клубе или спа, с ней случайно не окажешься рядом за столом на торжественном обеде. Я всегда считала, что к их услугам прибегают только легковерные люди. Помню, как Сара со смехом сказала мне, что она была того же мнения о психотерапевтах: к этому моменту она уже узнала, что я училась на него.

Вот тут-то мы и подружились. Ну, и плюс к этому обе ходили на занятия одни. У Сары вообще не было партнера, а

Майкл сидел дома, уткнувшись в свои незаконченные научные статьи, с ужасом думая о том, как мы будем растить ребенка на его скудное жалование.

Она готова для нас на все.

Я видела ведьмовские атрибуты, когда приходила к Саре, чтобы дети вместе поиграли. Бриджит на тот момент была ее единственной помощницей не-магом, и мне ужасно хотелось тоже попробовать, отдать ей свою энергию для простых чар.

Никогда не забуду, какое это было захватывающее чувство, когда ее магия впервые прикоснулась ко мне и подпиталась от меня. Это было немного похоже на кормление грудью. Позволить кому-то набираться от тебя силы и чувствовать готовность давать ее и дальше, сколько бы ее ни забрали.

Я устала после того первого раза. А более серьезная магия, в которой мне затем довелось помогать, и вовсе выматывает. Но тебе все равно хочется отдавать. Когда начинается заговор, ты словно оказываешься под гипнозом. Ведьма – единственная, кто может перекрыть поток энергии и отстраниться.

– Вы – опасные люди, – сказала я Саре.

Я шутила, а она приняла это всерьез. Начала объяснять, что базовый принцип магии – это добровольность. Что ведьмы всегда строго придерживаются закона.

Ну, вот это последнее не совсем верно, так ведь, Сара?

Она готова для нас на все.

Изначально мы сошлись из-за наших детей. Так что ка-

жется правильным – почти предначертанным – что и теперь судьбы наших детей переплелись.

Я для тебя готова на все, дорогой мой Дэниел.

Я припарковалась перед домом, и теперь замечаю движение за окном. Сара вернулась домой и зашла через заднюю дверь.

Мне приходится стучать несколько раз, и она открывает только после того, как, отодвинув занавеску, видит, что это я. Она бледная и потная.

Я опасалась, что она вообще меня не впустит после нашего прошлого разговора, но у меня приготовлен предлог.

– У меня закончилось зелье. Мне нужно еще.

– Так ты его пила? – кажется, ее это радует. – Я боялась... думала... Заходи.

Она ведет меня на кухню, не переставая болтать, словно боится того, что я могу сказать, если у меня появится возможность говорить. Словно я могу назвать еще одного свидетеля, видевшего, как ее дочь убила моего сына.

Я ничего не говорю, не мешаю ей суетиться. Мое молчание ее нервирует. Та часть меня, которой жаль, что я творю такое с этой женщиной, моей подругой, погребена под яростью, вызванной тем, что ее дочь сотворила с моим сыном – и решимостью добиться, чтобы она все исправила.

Она готова для нас на все. Для меня. Для Дэна. Но в особенности – для Харпер. Нисколько не сомневаюсь, что ради спасения своей дочери Сара Фенн сделает все, что угодно.

Наконец она поворачивается ко мне.

– Ты больше ничего не слышала про следствие? Про показания Джейка?

– Полагаю, они у властей.

Мне хотелось запугать Сару, но почему-то мои слова приносят ей удовлетворение. Я запоздало понимаю, что не поправила ее, когда она упомянула Джейка. Она не настолько растеряна, как мне показалось.

Поздно. На самом деле мне, возможно, даже на руку, что она знает про Джейка. Он тоже был предан Дэниелу. Сара должна понимать, что он безоговорочно меня поддержит. Как и его отец, шеф полиции.

– Я здесь не ради твоего зелья. Я его не пью. Я знаю, почему ты хочешь, чтобы я была тихой и спокойной. Я здесь потому, что хочу вернуть Дэниела.

Сара не реагирует на мой укол. Лицо ее полно доброты.

– Я не устраиваю сеансов вызова мертвых, Эби. Это незаконно и, как ты знаешь, я не считаю, что эти послания подлинны – то есть, что они действительно от умерших.

– Я не о сеансе. Я сказала, что хочу его вернуть.

Молчание между нами затягивается.

– Это невозможно. Этого нельзя сделать.

– Ты уже один раз это сделала – или почти.

– Почти! – это слово звучит как рыдание. – Эби, прости. Не могу. Поверь, ты не первая о таком просишь. Если бы можно было... отозвать его, если бы он был при смерти... не

знаю. Я бы попыталась – ради тебя. Но он умер уже несколько дней назад. Он в морге!

– Майкл мог бы его забрать. Мы бы сказали, что перевозим его в факультетскую больницу в Йеле.

Сара отчаянно мотает головой. У нее такой вид, будто я подвела ее к обрыву и приказала прыгнуть.

– Его тело обгорело. Я ничего не могу сделать. Мне жаль...

– Жалостью ты не обойдешься, Сара. В противном случае твоя дочь пойдет под суд. Джейк тоже хочет вернуть Дэна. Когда ты это сделаешь, я позволю ему отказаться от его показаний.

– Эбигейл, как ты объяснишь, что мальчик *воскрес из мертвых*?

– А я не буду объяснять. Просто исчезну. Уеду и заберу Дэна с собой. Справимся.

Сара отодвигается от меня. А я придвигаюсь и с силой сжимаю ее запястье.

– Жизнь моего сына за невиновность твоей дочери. Разве не так говорится в ваших правилах: «Отдать что-то за то, что получила»? Дашь мне знать, когда будешь готова.

22

Мэгги

Мне надо закончить это дело, пока оно меня не прикончило.

Что у меня есть:

- один мертвый парень, и результаты предварительной экспертизы говорят мне, что он умер, сломав шею;
- один обвинитель, утверждающий, что повлекшее за собой смерть падение было вызвано магией;
- одна обвиняемая, бывшая девушка погибшего, которая могла пожелать отомстить за то, что ее бросили;
- одно видео, на котором она якобы использует магию, хотя она ведьмой не считается;
- одна размещенная в сети фотография, на которой погибший и обвиняемая запечатлены во время полового акта. Если бы это происходило не добровольно, то могло послужить более весомым мотивом, но по одной фотографии судить невозможно.

И вот теперь Честер увеличивает этот список. Он раздобыл результат токсикологического анализа трупа.

– Вообще никаких наркотиков, – сообщает он. – И почти нет алкоголя. Что выглядит достоверно, потому что Уитмен был спортсменом и поступил в университет на стипендию. Он не стал бы рисковать этим.

– И гипотеза о пьяном падении отпадает.

– Угу.

Мы какое-то время сидим молча. *Что я упускаю?*

– Все сводится к утверждению Джейка Болта, что Харпер применила магию, – говорю я. – Нам надо это либо чем-то подкрепить, либо отместить.

– Дать кому-то посмотреть то видео?

– Возможно. Но есть и другие способы. Ведьмы способны определить следы сильных эмоций на предметах и местах – например, орудие убийства или место преступления. А еще они могут сказать, применялась ли магия.

– «Данные, полученные сверхъестественным путем, не могут...», – начинает цитировать Честер, но я вскидываю руку, заставляя его замолчать.

– Ага, ага. Это нельзя использовать *на суде*. Но можно получить улики или подсказки для проведения следствия, если ты потом подкрепишь их независимым расследованием.

Он по-прежнему смотрит на меня скептически. Значит, пора поделиться историей, которую я храню глубоко в душе. Мне нельзя позволять себе думать об этом слишком часто.

– Один мой коллега расследовал похищение. Он нашел машину, которая соответствовала описаниям свидетелей, но

эксперты не обнаружили в машине никаких следов. Он доверился чутью и пригласил ведьму. Она выявила в машине недавний страх и травму. Это заставило моего коллегу не отступить, хотя у владельца машины оказалось железное алиби. Работа ведьмы дала ему ту уверенность, которая была нужна, чтобы не сдаваться.

Я не говорю Честеру, что тот коллега был моим напарником, а тем, кто утверждал, что с машиной тупик, была я.

Я не говорю Честеру, что, хотя мы поймали преступника, спасти его жертву мы не успели. Мы нашли Дженни Даунс прикованную там, где он ее держал, истощенную и обезвоженную. Затянувшееся расследование спугнуло похитителя, и он просто перестал ее навещать. Дженни так ослабела, что через несколько часов умерла в больнице от сердечной недостаточности, но все-таки успела опознать фотографию человека, который ее похитил. Я не могла смотреть ей в глаза, когда она благодарила нас перед тем, как умереть в кругу своих близких.

Ей было пятнадцать.

Я больше никогда не буду подвергать опасности человека, жестко придерживаясь правил работы полиции.

– Думаю, для того, чтобы идти дальше, нам нужен независимый следователь-маг, – говорю я ему. – Поищи в интернете надежного. Проследи, чтобы он базировался как можно дальше от Коннектикута: нам не нужен человек, который был бы знаком с Феннами. Однако для того, чтобы его при-

гласить, мне понадобится разрешение. Я отправлюсь за ним лично.

Это значит, что я не хочу, чтобы Честер, а уж тем более кто-то из рядовых полисменов Санктуария, и особенно шеф Болт слышали, как мне устраивает выволочку мой босс.

Лейтенант Реми Ламарр – мастер выволочек.

23

Мэгги

По автостраде до Миддлтона ехать меньше полутора часов, и поездка идет мне на пользу.

Я впервые выезжаю из Санктуария после того, как получила это дело, и я ощущаю себя свободной на прямом шоссе вместо извилистых улочек старинного центра, где живет Сара Фенн, и бесконечных пригородов, где даже солнечный свет художественно течет сквозь подстриженные кроны деревьев.

Наша штаб-квартира – это невысокое здание с тонированными окнами, вытянутое двумя крыльями, словно пара рук, готовых заключить тебя в ласковые объятия закона. Голос Реми слышен еще из вестибюля. Я иногда думаю, не пересыпает ли он матерком сказки, которые читает своим детям на ночь, и не орет ли, когда делится постельными секретами со своим мужем. Но надо отдать лейтенанту Реми Ламарру должное: даже когда он устраивает тебе разнос, ты можешь не опасаться, что останешься без поддержки.

Я стучу, и, гаркнув последний приказ, Реми бросает труб-

ку и делает мне знак войти. Слушая мой отчет, он сидит как всегда неестественно прямо. Я пытаюсь подвести его к тому, что мне нужно – разрешению пригласить эксперта-мага – сделав при этом так, чтобы он решил, что это его идея. Он сверкает глазами, и я не могу понять, прошла ли моя задумка, или он меня раскусил.

– Так, посмотрим, правильно ли я все понял, Мэгз. У тебя парень погиб и дом сгорел. И вместо того, чтобы это оказалось тем, что любому в здравом уме было бы очевидно – неудачной школьной вечеринкой – у тебя какие-то полубредовые заявления насчет убийства с помощью колдовства. Надо полагать, с полетом на сраных метлах.

Меня передергивает. Шутки насчет метел считаются «оскорбительными и дискриминирующими» в применении к ведьмам, что легко может привести к автоматическому выговору за недостойное поведение. А Реми продолжает как ни в чем не бывало:

– И вишенка на этом многоярусном глазированном дермовом торте – это твои слова о том, что убийство с помощью колдовства запускает какое-то древнее правило из тех времен, когда дерюга считалась писком моды, по которому нарушителя карают смертью. А твоя якобы преступница – семнадцатилетняя школьница? Просто блинская дурь.

– Все примерно так и есть, сэр.

– Так что ты планируешь делать, агент Найт? Хочешь, чтобы я перекинул дело федералам? Пусть сами облажаются и

расхлебывают дерьмо, если казнят ребенка. Ее не казнят, конечно. Губернатор ни за что на такое не пойдет. Но даже от самой возможности будет вонища.

От слов Реми у меня мороз по коже. Когда он произносит это вслух, то немыслимый вариант почему-то начинает казаться до ужаса вероятным. Харпер Фенн с ее печальным взглядом в камере смертников на много лет, пока законники будут спорить о ее судьбе? И несмотря на уверенность Реми, я не вижу гарантий того, что ее помилуют.

– Я не юрист, сэр, но судя по тому, как этот закон сформулирован, у губернатора не будет полномочий его отменить. Дело уйдет наверх.

Пусть наш губернатор здесь, в Коннектикуте, и состоит в либеральной партии, но сейчас Белый Дом и Сенат консервативные. Они должны отчитываться перед избирателями, а республиканцы относятся к колдовству гораздо более неприязненно, чем демократы. Да и Верховный Суд сейчас не особо расположен к ведьмам.

– Девушка не зарегистрирована?

– Ей еще нет восемнадцати, но – да. В школе и местной больнице пометки ПМ нет, а ее мать, местная ведьма, утверждает, что она лишена способностей.

– Тогда это будет не колдовство.

– Обвиняет ее сын местного шефа полиции.

– Что творится с этими деревенщинами? – Реми сводит кончики пальцев, взирая на печатку на левой руке. – Конеч-

но, колдовством легко можно найти потерявшихся кошек и вылечить зубную боль. Но все остальное – это суеверие, плацебо, за которое в нашей стране цеплялись наши предки, чтобы оно помогло им наладить здесь жизнь.

Я ничего не отвечаю. Реми, как и все копы, яростный сторонник того, что мы можем увидеть, пощупать и доказать. Он считает, что его мозг, работающий со скоростью света, способен распутать все, что угодно. Как правило, это так: Реми к сорока годам вполне может стать комиссаром.

Однако иногда даже таких мозгов, как у него, оказывается мало. Их оказалось мало в деле Дженни Даунс. Я знаю, что Реми не меньше моего переживал из-за того, что нам не удалось добраться до Дженни вовремя. Я особо выделила ту виллу, как место где предположительное преступление – или магия – имели место, и надеюсь, что он сам сделает нужный вывод.

Он его делает.

– А как насчет того, чтобы следователь-маг исключил присутствие колдовства? Тогда ты в праве выяснять, что произошло на самом деле. Говоришь, парень был чист? Значит, виновато помещение. Что-то сломалось, он упал. Страховая компания может получить гражданский иск от родителей. Мы все знаем, что горе требует ответов, но иногда жизнь дает только смехотворное дерьмо. А если свидетель и его папаша начнут возникать из-за того, что ты не отнеслась к их заявлению серьезно, я тебя поддержу. Парнишка бросается ди-

кими заявлениями насчет колдовства? Он просто расстроен. Это вполне понятно. Просто показывает, насколько сильно он потрясен. Просто супер-славный, а не психованный парень. И все выбирают из этого дерьма, благоухая как розочки. Ты все поняла?

– Поняла, Реми.

– Умница, Мэгз. Жду твоего скорого возвращения. Со-скучился по нашим посиделкам за пончиками.

Я ухмыляюсь. Реми каждое утро в шесть приходит в спортзал. По-моему, он ни разу в жизни даже не посмотрел на быстрый углевод.

Я получила нужное разрешение. И заручилась поддержкой Реми.

Скоро я со всем этим разберусь.

24

Эбигейл

Прошла неделя.

Год. Вечность. Каждый день кажется бесконечным и невыносимым с тех пор, как Дэн погиб.

У его команды сегодня матч: «передача эстафеты», когда все поступившие в колледжи игроки встречаются с новыми талантами, которые придут им на смену.

Хочу ли я оказаться в привычной атмосфере шумного веселья, чтобы отвлечься? Вид лучших друзей Дэна – Фредди и всех остальных – наверняка поднимет мне настроение.

Или мне нужен вечер горя и траура – и мыслей о том, что парни так же подавлены? Могу ли я измерить их любовь к Дэну по тому, как они сожалеют о его уходе?

Нас с Майклом перед матчем встречает тренер и задерживает нас разговором. Я уже решаю, что мы пропустим розыгрыш мяча, но тут он смотрит на часы и ведет нас к нашим местам... и тут я понимаю. Когда мы входим, толпа на стадионе встает. На поле оркестр начинает играть боевой гимн «Спартанцев». Только никто не поет. Они молчат. Парни на

поле прижимают ладони к сердцу.

У меня перехватывает дыхание. На громадном табло появилась фотография Дэна. Это его командный портрет: под мышкой у него шлем с маской. На строке внизу – его имя и знак «Спартанцев». Ниже – цифры, но в отличие от обычного, там не результаты его игр.

Там день его рождения и дата недельной давности. День, в который он умер.

Я проглатываю рыдание, а Майкл обнимает меня за плечи. Он прижимает меня к себе крепко. Слишком крепко. Он пытается удержать меня от какой-нибудь глупости, например, бурной истерики. Или я могла бы сорвать с ног туфли и швырнуть их в табло, потому что я не хочу видеть там эти даты. Я хочу видеть, как Дэн делает передачи, получает очки, завершает комбинации.

Мальчишки занимают места. Мне невыносимо смотреть на бывшего ученика, которого они включили в старшую команду вместо Дэна. С последними раскатами барабанной дроби матч начинается.

Майкл сидит рядом со мной. Взглядом он следит за игроками, но не думаю, чтобы он понимал, что происходит. Он никогда не ходил болеть за сына. Он оставался дома или в лаборатории и работал. Жалеет ли он сейчас об этом? Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь хоть что-то на нем прочесть, но уже много лет я не могу понять, о чем он думает.

Без Дэна на поле игра не интересна и мне, так что я раду-

юсь, когда она заканчивается.

Когда игроки встречаются для прощального рукопожатия, я слышу в динамиках имя Дэна. Голос мне знаком: это Фредди Макконофи, лучший принимающий команды, и самый близкий друг Дэна после Джейкоба.

— ... и сегодня вечером его родители с нами. Миссис Уитмен, профессор Уитмен, я говорю за всю команду: уход Дэна оставил громадную, *громадную* брешь не только в нашем нападении, но и в наших сердцах и нашей жизни.

Весь стадион затих, прожекторы притушили. Только Фредди стоит в ярком пятне света с микрофоном в крупной руке. По обе стороны от него выстроились «Спартанцы» со снятыми шлемами и склоненными головами. Члены тренерской группы и рефери держат кепки в руках.

Тренер берет микрофон и рассказывает о таланте Дэна. О том, как он в первый же игровой сезон разглядел его поразительный потенциал.

— Он всегда будет частью команды, — говорит он. — *Spartana semper.*

Он отводит микрофон, и стадион ревет ему в ответ:

— *Spartana semper!* Навсегда «Спартанец».

Теперь каждый из спартанцев по очереди говорит по паре фраз. Чему они научились у Дэниела. Как они его любили и как им восхищались. Некоторые вспоминают смешные случаи, и по стадиону разносится теплый смех. Эти парни преданы памяти Дэниела так же, как были преданы ему при

жизни.

И тут мне в голову приходит мысль: могу ли я *использовать* эту преданность?

– Прошу всех встать, – говорит Фредди, снова завладев микрофоном. – Перед игрой мы молчали, а теперь споем так громко, чтобы Дэн оттуда нас услышал.

Вперед выходит девушка – из школьной команды чирлидинга – и ее звонкое сопрано возносится к небу в боевом гимне «Спартанцев». Вокруг меня все встают. Где-то рядом рыдает и улыбается какая-то девушка. У мужчин голоса хриплые.

На табло сменяются фотографии Дэна. Хохочет с товарищами по команде. Тянется за мячом. Сосредоточенно готовится к подаче. Широко улыбается, пожимая руку охотнику за талантами, который подобрал ему университетскую команду.

– Дэн, дружище! – орет Фредди, – мы тебя любим!

По его команде стадион разражается тройным приветственным криком, сотрясающим трибуны. Игроки убегают с поля – и их энергия вибрирует во мне.

Эта энергия дарит мне чувство, что все возможно. Абсолютно все. Мне надо просто постараться.

Я поднимаюсь с места и иду искать Фредди. Он с товарищами может сделать кое-что полезное.

25

Сара

По-моему, все ведьмы подсознательно ждут того дня, когда случится нечто подобное. Это – вопрос не «если», а «когда», и к такой ситуации все родители-маги готовят своих детей.

Конечно, на моем доме стоит защита. Однако она не очень сильная – иначе и не может быть при столь тесно стоящих домах старого города. Фасад нашего дома выходит на тротуар, а значит, я не могу *окружить* его защитой. Зачарованные пучки растений над дверями и окнами – гарантия того, что войти сможет только тот, кому я открою.

А большего нам не позволено. Закон не допускает использования колдовства для самозащиты – в отличие от огнестрельного оружия. Колдовство считается противозаконным при любых обстоятельствах, даже самозащита в случае нападения, даже если вы даете отпор напавшему на вас у себя в доме.

Это было не нападение. В том, что использовалось, не было насилия: яйца, мука, краска. Но тут есть злоба. Презре-

ние и угроза.

Мне стало тошно, когда я это увидела. Они пришли к нашему дому глубокой ночью и сотворили вот это. Слава Богине, Харпер здесь нет.

Ночью меня разбудили громкие мужские крики с улицы. Но в Сатнктуэри, как и во многих других городках, исторический центр – это еще и туристический центр. Здесь расположены отели и бары. Тут бывает немного шумно. Так что я повернулась на другой бок и заставила себя заснуть.

А вот стоило мне утром спуститься вниз, как я это увидела. Первым делом мне показалось, что по окнам стекает кровь, так что я вызвала копов. Из патрульной машины вышел этот славный паренек, Гринстрит. Его бабушка время от времени ко мне обращается.

Его присутствие действует успокаивающе, хотя от возмущения я перехожу к пугающим мыслям о том, что это может означать. Мы с ним оцениваем ущерб, когда подъезжает вторая машина: следователь, которая ведет дело Дэниела.

– Есть предположения о том, кто это вам устроил? – спрашивает она. – Или предположения о том, почему?

– То, что здесь вы, а не обычный патруль, говорит, что мы обе знаем, почему. А вот кто...

Она кивает. Что она за человек, эта следователь? Она пошла в больницу, чтобы перехватить Харпер, а не стала разговаривать с моей девочкой дома, в моем присутствии. Зачем ей это понадобилось?

Она наверняка слышала обвинения Джейка Болта. Она поверила ему – сыну своего коллеги-правоохранителя? Она считает его достойным доверия свидетелем?

Как она относится к магии?

Я ничего не могу прочесть по лицу агента Мэгги Найт, пока она рассматривает мой испоганенный дом. А потом она хмурится.

– А это что значит?

Краску в основном просто наносили пятнами, но один участок явно сделан с помощью аэрографа: направленный под углом вниз луч, а от него вверх, тоже косой, словно завалившаяся на бок буква V.

Честер Гринстрит наблюдает за Найт, которая имитирует нужное движение: вниз, а потом вверх. Вниз, потом вверх. И когда она это делает, я опознаю, какой знак она нарисовала – вернее, начала рисовать.

Она тоже это поняла. Это говорит мне, что она – хороший коп. Не знаю, должна ли я почувствовать облегчение или еще сильнее встревожиться. Использует ли она свои умения для того, чтобы доказать невиновность моей дочери, или составить ложное обвинение против нее?

– Это – первые две линии пентаграммы, – говорит она. – Но на этом они остановились. Может, им помешали – тогда их кто-то должен был видеть. Или же они остановились, потому что осознали последствия.

– Мэм?

– Это было бы преступлением на почве ненависти, Честер. Метка на доме ведьмы из-за того, кто она. Если им не помешали, то они не закончили потому, что кто-то из них достаточно сообразителен, чтобы это понять.

– «Кто-то из них»? Откуда вы знаете, что тут было больше одного человека?

Найт указывает на разнообразные субстанции, украсившие мой дом:

– Краска. Мука. Яйца. Пробовали бегать, держа все это в руках или в пакете для покупок? Я не советовала бы. А все надо сделать быстро, пока вас не заметили. Бам-бам-бам! Больше народа – быстрее идет работа.

Она поворачивается ко мне.

– Мне понадобятся фотографии и образец краски. Сержант Гринстрит займется этим прямо сейчас. У меня в машине есть набор для сбора улик, Честер. А потом вам можно будет все это убрать. Вам кто-то сможет помочь?

– Пьер, – отвечаю я мгновенно. – Он мой друг. Занимается реконструкцией домов, интерьерами и прочим...

– Отлично. Звоните ему.

Трясущимися руками я набираю номер Пьера. Он часто бывает занят. Но мне можно было не беспокоиться – он отвечает тут же. Я рассказываю все как можно спокойнее, и он обещает быстро приехать. Закончив звонок, я вдруг начинаю плакать.

Что это за дешевая угроза? Зачем кто-то это сделал – и

почему именно сейчас? Объяснение может быть только одно: они поверили обвинению против Харпер. Пентаграмма говорит именно об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.